

ГЛОБАЛЬНАЯ СЕТЬ ПО УНИЧТОЖЕНИЮ СВОБОДЫ

БРЭТТ ЛОУС

Глобальная сеть по уничтожению свободы

Брэтт Лоус

В книге сочетаются документальные фрагменты и художественная реконструкция. Там, где точные слова и действия участников неизвестны, сцены и диалоги воссозданы автором. Некоторые персонажи являются собирательными образами, отдельные детали изменены.

Оглавление

Пролог. Случай в Варшаве

Глава 1. Наследники ненависти

Глава 2. Хор Кассандр: Голоса, которые не хотели слышать

**Глава 3. Пропаганда, «Экспертизы» и троянский конь
антикультовой сети**

Глава 4. Французский парадокс

Глава 5. Сломанные судьбы: человеческая цена «борьбы с сектами»

Глава 6. Будущее свободы: последний рубеж обороны

Глава 7. Призыв к бдительности

Источники

Пролог. Случай в Варшаве

Все началось со странного, почти сюрреалистического эпизода на одной из тех международных конференций, которые принято считать оплотом цивилизованного диалога. Осень. Варшава. Ежегодная встреча ОБСЕ по выполнению обязательств в области человеческого измерения (Human Dimension Implementation Meeting, HDIM) — крупнейшая в Европе ежегодная конференция по правам человека и демократии. В величественных залах собираются дипломаты, правозащитники, общественные деятели и журналисты со всего континента. Здесь говорят о демократии, верховенстве права и фундаментальных свободах. Говорят много, обстоятельно, с уважением к процедуре. Сама атмосфера этого места, кажется, исключает любую форму агрессии или откровенного хамства. Это территория слов, аргументов и соглашений.

Я был там в качестве журналиста, погруженного в рутину докладов и панельных дискуссий. Моей задачей было понять, чем дышит современная правозащита, уловить новые тенденции, услышать голоса, которые обычно тонут в информационном шуме. День за днем я слушал отчеты о политических заключенных, о давлении на прессу, о нарушении свобод. Пока я не стал свидетелем сцены, выбившей меня из колеи своей абсурдностью.

В одном из залов проходила сессия, посвященная свободе религии и убеждений. Выступали представители различных организаций, и, как это часто бывает, звучала критика в адрес стран, где эти свободы систематически нарушаются. В какой-то момент я заметил невысокого человека с бородой и бегающими, беспокойными глазами. Он с порывистостью хищника, высматривающего добычу, фотографировал тех, кто критиковал ряд стран, например, Россию, и тех, кто защищал религиозные меньшинства.

Это было уже весьма странно, но то, что случилось дальше, переходило все границы. На одном из столов лежали информационные материалы, подготовленные правозащитными организациями. Этот человек подошел к столу, сгреб одни из документов, с демонстративным презрением швырнул их в урну. Он сделал это демонстративно и открыто, словно выполняя некий ритуал

публичного унижения. Воздух в зале наэлектризовался. Видевшие это недоуменно переглянулись. Кто-то растерянно улыбался, не понимая, что это — нелепая шутка или откровенная провокация.

Позже я узнал, что это были за документы и чьи. Вилли Фотре, директор и соучредитель брюссельской правозащитной организации «Права человека без границ» (Human Rights Without Frontiers), ветеран европейской правозащиты вспоминал об этом вызывающем инциденте:

«Каждый год в Варшаве проходит ежегодная встреча в сентябре–октябре. Я последние 20 лет был в Варшаве. Дворкин был там несколько лет назад. Это был первый раз, когда я физически контактировал с ним. Этот парень абсолютно сумасшедший... У меня тогда был документ, в котором я его обвинял. Я не знал заранее, что он будет присутствовать на конференции. Я просто положил свои документы на стол, как и многие другие правозащитные организации. Дворкин забрал все мои бумаги и выбросил их в корзину для бумаг». [1]

Слова Фотре усугубили мое недоумение. Как я позже выяснил, этот «абсолютно сумасшедший парень», Александр Дворкин, — не просто маргинальный активист. Он несменный лидер антикультового движения в России и долгие годы являлся вице-президентом и членом совета директоров FECRIS — Европейской федерации центров исследований и информации о сектантстве. Организации, базирующейся во Франции и на протяжении многих лет получающей щедрое финансирование от французского правительства.

Эта информация потрясла меня. Человек, ведущий себя как агент спецслужб на задании по дискредитации правозащитников, хулиган, выбрасывающий чужие доклады в мусор, — оказался высокопоставленным лицом в европейской структуре, существующей на деньги налогоплательщиков демократической страны. Это был не просто диссонанс. Это был кричащий парадокс, указывающий на нечто глубоко прогнившее в самой системе. Вдруг обнаружилось, что угроза демократии в Европе исходит от тех, кто, прикрываясь лозунгами защиты демократических ценностей, на самом деле представляет собой опасность для ее основ.

Имя «Александр Дворкин» и аббревиатура «FECRIS» открыли мне дверь в мир, о существовании которого я даже не подозревал. Мир, где язык ненависти маскируется под научную терминологию, где преследование инакомыслящих называется «защитой семей», а доносы и клевета — «информационно-консультационной деятельностью».

Первое, на что я наткнулся, был официальный документ, который окончательно убедил меня, что я попал на след чего-то по-настоящему серьезного. Это был отчет за 2020 год, подготовленный Комиссией США по международной религиозной свободе (USCIRF) — независимым двухпартийным органом федерального правительства США. Отчет назывался «Антикультистское движение и регулирование религии в России и бывшем Советском Союзе» (The Anti-Cult Movement and Religious Regulation in Russia and the Former Soviet Union). [2]

Я читал страницу за страницей, и волосы на моей голове шевелились. Аналитики американской комиссии, люди, чья работа — давать взвешенные оценки и рекомендации правительству, писали о Дворкине и его сети с предельной решительностью. Они называли его «псевдоэкспертом», опирающимся на «дискредитированные теории и методологии продвижения своей идеологической программы». Они прямо заявляли, что его деятельность представляет серьезную угрозу правам человека. Но одна фраза, одна официальная рекомендация правительству Соединенных Штатов, особо привлекла мое внимание. В разделе «Рекомендации» черным по белому было написано:

«Публично осудить Александра Дворкина и Информационно-консультационный центр Св. Ирины Лионского (ЦСИЛ) за их продолжающуюся кампанию по дезинформации против религиозных меньшинств... Противодействие пропаганде против новых религиозных движений, организованной Европейской Федерацией исследовательских и информационных центров по сектантству (FECRIS), на ежегодной конференции по человеческому измерению ОБСЕ с информацией о продолжающемся участии отдельных лиц и организаций в антикультовом движении в подавлении религиозной свободы». (Отчет USCIRF, 2020, стр. 7) [2]

«Публично осудить» и «противодействовать пропаганде». Так говорят о пособниках режимов, нарушающих международное право, о пропагандистах войны, о тех, чьи действия ведут к трагедиям. В данном случае речь шла о FECRIS и в частности, о ее тогдашнем вице-президенте Александре Дворкине. Этот «борец с сектами», был не просто маргиналом из России. Он был частью европейской системы, интегрирован в нее и легитимизирован ею.

В ту ночь я долго не мог уснуть. Передо мной встали вопросы, которые и легли в основу этой книги.

Почему эта международная антикультовая сеть, возглавляемая столь одиозной фигурой, действует совершенно безнаказанно на территории демократических стран?

Как ей удастся получать государственное финансирование и прикрываться респектабельными вывесками «исследовательских центров», в то время как ее деятельность признана разрушительной на самом высоком международном уровне?

Что она на самом деле из себя представляет? И как получилось, что методы, поразительно напоминающие практики самых мрачных тоталитарных режимов XX века, не просто возродились в наше время, но и нашли себе уютное пристанище в самом сердце Европы, рядясь в одежды защитников прав человека?

Случай в Варшаве был той самой ниточкой. Потянув за нее, я начал распутывать клубок лжи, ненависти и цинизма, который оказался гораздо больше и страшнее, чем я мог себе представить. Это расследование стало моим долгом — перед теми, чьи голоса пытались заглушить, чьи доклады выбрасывали в мусор, чьи жизни были сломаны этой невидимой, но всепроникающей сетью.

Глава 1. Наследники ненависти

Чтобы понять масштаб катастрофы, в которую погружается современный мир, нужно сделать шаг назад. Вернуться в тот момент, когда человечество, выйдя из руин самой страшной войны в своей истории, попыталось построить защиту от самого себя. Защиту от безумия, которое только что унесло десятки миллионов жизней и явило миру бездны Освенцима, Треблинки и Дахау. Эта защита была не из стали и бетона. Она была соткана из слов, идей и принципов, которые должны были стать нравственным иммунитетом против рецидива тоталитарной чумы.

Защита от прошлого

Представьте себе Париж, 1948 год. Еще не зажили раны войны, еще слышны отголоски взрывов и криков. Мир только что стал свидетелем того, на что способна идеология, построенная на ненависти, на разделении людей на «чистых» и «нечистых», «своих» и «чужих», «высших» и «низших». Человечество заглянуло в глаза абсолютного зла и ужаснулось собственному отражению. Суды в Нюрнберге вынесли приговоры не только палачам и генералам, но и пропагандистам — тем, кто готовил почву для геноцида, кто отравлял сознание миллионов людей, превращая соседей во врагов. Один из таких подсудимых, Юлиус Штрейхер, издатель антисемитской газеты «Der Stürmer», не убил ни одного человека своими руками. Но его слова, его карикатуры, его ложь убили миллионы. Трибунал признал его виновным в преступлениях против человечности. Это был исторический вердикт: слово, сеющее ненависть, было признано оружием массового поражения.

Именно в этой атмосфере, в этом отчаянном стремлении сказать «Никогда больше!», рождалась Всеобщая декларация прав человека. Это не был просто очередной юридический документ. Это была клятва. Клятва, данная выжившими будущим поколениям. Ее авторы, люди разных культур и убеждений, от Элеоноры Рузвельт до Рене Кассена, понимали: чтобы предотвратить возрождение нацизма, фашизма и любой другой формы

тоталитаризма, недостаточно просто осудить прошлое. Необходимо заложить фундамент будущего, в котором сама возможность такого рецидива будет исключена. Всеобщая декларация была принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года в Париже.

И этот фундамент — неотъемлемые права каждого человека. Не права, дарованные государством, которые оно может в любой момент отнять, а права, присущие человеку от рождения.

Статья 18: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов».

Статья 19: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ».

В этих строках — вся мудрость, оплаченная кровью. Свобода мыслить иначе. Свобода верить иначе. Свобода сомневаться. Свобода искать истину самостоятельно. Именно эти свободы первыми уничтожает любой тоталитарный режим. Потому что человек, обладающий внутренней свободой, не может быть рабом. Он неудобен, непредсказуем, неуправляем. Чтобы построить концлагерь, нужно сначала построить его в головах, уничтожив способность к критическому мышлению и заклеив любое инакомыслие как «опасную ересь», «вредное учение» или «вражескую идеологию».

Декларация прав человека была задумана как прививка. Как мощный антивирус, который должен был защитить общественный организм от ненависти, от деления людей на сорта, от языка вражды. Она утверждала простой, но революционный принцип: государство существует для человека, а не человек для государства. И долг государства — защищать свободу личности, даже если ее убеждения кажутся большинству странными, ошибочными или даже абсурдными. При этом международное право допускает ограничения не по

произволу власти, а только на основаниях, прямо предусмотренных законом и совместимых с правами других людей и общественным порядком.

Мы, дети послевоенного мира, выросшие в тени этой Декларации, слишком долго принимали эти принципы как должное. Они казались нам такими же естественными, как воздух, которым мы дышим. Мы забыли, что они не возникли сами по себе. Они были отвоеваны. Они — памятник миллионам жертв тоталитаризма. И, как любой памятник, он требует ухода и защиты. Потому что силы, которые однажды уже ввергли мир в катастрофу, никуда не исчезли. Они лишь затаились, сменили вывески, переоделись в новые одежды и научились говорить на новом языке. Они больше не кричат «Хайль!», маршируя в коричневых рубашках. Теперь они могут говорить даже о «защите духовной безопасности», о «традиционных ценностях» и об «опасных деструктивных культах». Они снова делят мир на «нас» и «них». И самое страшное, что они снова делают это при поддержке представителей государственного аппарата, а иногда — и на деньги самих граждан, которые не понимают, что оплачивают строительство собственной тюрьмы.

История, которую я собираюсь рассказать, — это история о том, как вирус тоталитаризма мутировал и снова проник в кровеносную систему нашей цивилизации. Это история о том, как идеи, рожденные в недрах нацистского режима, пережили своего создателя и, пройдя через десятилетия, нашли нового, усердного и талантливое носителя. Это история о наследниках ненависти.

Наследники ненависти

Чтобы увидеть истоки современной «охоты на ведьм», нам придется отправиться в Германию 1930-х годов. Времена Веймарской республики — эпоха нестабильности, экономических кризисов и острого идеологического противостояния. В этом бурлящем котле идей и движений, где коммунисты боролись с нацистами, а демократы пытались удержать хрупкое равновесие, традиционные институты, такие как церковь, чувствовали себя неуверенно. Их паства разбегалась, увлекаемая новыми политическими и духовными учениями.

Именно в этой атмосфере в 1921 году при структурах немецкой евангелической внутренней миссии был создан «Апологетический центр».

Изначально его задачей была защита протестантизма от критики и изучение новых религиозных течений. С 1932 года центром руководил теолог Вальтер Кюннет. Он был связан с Исповедующей церковью и позже конфликтовал с нацистскими властями, однако при этом разделял анти-иудейские и национал-консервативные установки эпохи становления нацизма, а в начале 1930-х допускал обмен информацией о религиозных меньшинствах с государственными структурами. Кюннет быстро понял, какой ветер дует, и направил свой «Апологетический центр» на службу новому режиму.

Методы, которые он разработал, поразительно напоминают то, с чем мы сталкиваемся сегодня.

Первым делом Кюннет и его команда занялись составлением «черных списков». Апологетический Центр расширял архивы и картотеки по религиозным и мировоззренческим движениям. Они собирали информацию о любых группах, которые не вписывались в узкие рамки нацистской идеологии и консервативного протестантизма: от Свидетелей Иеговы и антропософов до масонских лож и различных философских кружков. Если в 1931 году в их картотеке было около 150 организаций, по которым собирались данные, то к 1936 году архивные списки зафиксировали около 500 групп и культов, названных «опасными».

Вторым ключевым методом была дегуманизирующая риторика. Чтобы оправдать репрессии, нужно было сначала расчеловечить жертву в глазах общества. Нужно было доказать, что это не люди, а некая зараза, угрожающая «здоровому телу нации». Гитлер использовал образ болезни и заражения применительно к евреям. И эту же метафору Кюннет и его последователи применяли ко всем, кого записывали в «секты». В своих публикациях они описывали эти группы как «раковые клетки», которые разъедают общество изнутри и, следовательно, должны быть вырезаны хирургическим путем. Это был не просто язык ненависти, это была технология легитимации насилия.

И, наконец, третий, самый важный элемент — документированный обмен информацией с репрессивным аппаратом государства. «Апологетический центр» стал, по сути, информационным подрядчиком для Гестапо. В одном из своих отчетов за 1933 год Вальтер Кюннет с гордостью писал:

«Гестапо выразило большой интерес к архиву сект Апологетического центра... Гестапо выразило готовность в будущем совместно с Апологетическим Центром вести борьбу против незаконного свободомыслия. Обмен материалами между Гестапо и Апологетическим Центром уже начался». [3]

«Эксперты»-теологи собирали досье, писали «заключения» об «опасности» той или иной группы, а затем передавали эти материалы в тайную полицию, которая на их основании проводила аресты, запрещала организации и в дальнейшем даже отправляла людей в концентрационные лагеря. Таким образом, церковная структура, призванная говорить о любви и милосердии, оказывалась вовлеченной в систему преследования и уничтожения.

Казалось бы, с разгромом нацизма эта идеология и ее носители должны были навсегда уйти в прошлое. Но нет. Вирус оказался на удивление живучим. Дело Кюннета не умерло. Его подхватили и продолжили другие «сектоведческие» структуры и акторы. Одним из таких наследников стал теолог Фридрих-Вильгельм Хаак. После войны он с педантичностью продолжил собирать «архивы сект», став одной из центральных фигур послевоенного антикультового движения в Европе.

А затем эстафету в международном антикультовом поле подхватил датский теолог Йоханнес Огорд. В 1973 году Огорд основал в Дании «Диалог-центр», который стал международным хабом для «борцов с сектами». Огорд был харизматичной и влиятельной фигурой. Он ездил по миру, читал лекции, собирал вокруг себя последователей, обучая их методам, унаследованным от Кюннета и Хаака: собирать компромат, создавать «черные списки» и использовать СМИ для демонизации неудобных групп.

И вот здесь, в этой точке, на исторической сцене появляется наш главный герой — Александр Леонидович Дворкин.

Биография Дворкина — это готовый сценарий для шпионского романа. Родился в Москве, в молодости был хиппи, затем, как он сам утверждает, разочаровался в советской системе. В 1977 году эмигрировал из СССР, некоторое время жил в США, где принял православие и работал на радиостанциях «Голос Америки» и «Свобода». Его пребывание в Америке совпало с расцветом

западного антикультового движения, построенного на псевдонаучных теориях о «промыывании мозгов» и «контроле сознания». Дворкин впитал эти идеи, как губка.

В 1992 году, после распада СССР, он возвращается в Россию. Но возвращается не просто как бывший диссидент. Он возвращается как миссионер, как носитель новой для России, но старой для Европы идеологии. В начале 1990-х он становится вице-президентом того самого «Диалог-центра» Йоханнеса Огорда, фактически — его официальным представителем на постсоветском пространстве. Методология, рожденная в кабинетах нацистских теологов, прошедшая обкатку в послевоенной Европе, нашла своего идеального исполнителя для импорта в Россию.

Россия начала 90-х была для этого идеальным полигоном. Страна находилась в состоянии хаоса. Старая идеология рухнула, новая еще не сформировалась. В этот вакуум хлынули сотни новых религиозных и духовных движений, как западных, так и восточных. Люди, потерявшие опору, искали новые смыслы, и Русская православная церковь, сама только что вышедшая из-под гнета атеистического государства, увидела в этом потоке «иностранных миссионеров» прямую угрозу своей «канонической территории». Она нуждалась в идеологическом оружии для борьбы с конкурентами. И Дворкин дал ей это оружие.

Он не изобрел ничего нового. Он просто взял старые, проверенные временем лекала и приложил их к российской действительности. Он ввел в оборот термин «тоталитарная секта», не имеющий общепринятого научного или юридического определения, оказался гениальной находкой. Он был понятен постсоветскому человеку, напуганному собственным тоталитарным прошлым. Ярлык «тоталитарный» мгновенно вызывал ассоциации с ГУЛАГом, репрессиями, подавлением личности. Навесив его на любую неудобную группу — от кришнаитов до протестантов, — Дворкин автоматически выводил ее за рамки правового поля и превращал в законную мишень для агрессии. Российский исследователь Кирилл Товбин метко назвал это «универсальным пугалом», которое можно использовать для устранения практически всех критиков современной провластной системы. [4]

Дворкин использовал дегуманизирующую риторику своих предшественников. В одной из своих работ он пишет:

«И как раковые клетки начинают бурный рост в ослабленном болезнью организме, так и тоталитарные секты используют организационные и структурные слабости молодых демократических государств, чтобы утвердиться в них и насильно навязать свою систему ценностей только что освободившимся от политического тоталитаризма народам». [5]

Сравните это с риторикой нацистов о евреях как о «раковой опухоли» на теле немецкой нации. Сходство здесь, как минимум, риторическое: речь идет о патологизации целых групп через медицинскую метафорику. Человек, которого объявили «раковой клеткой», перестает быть человеком. Его можно и нужно «удалить» ради «здоровья» общества.

В 1993 году Дворкин, при поддержке РПЦ, создает в Москве свой собственный «Апологетический центр» — Информационно-консультационный центр св. Ирины Лионского. Эта организация, а позже и созданная на ее базе сеть региональных филиалов РАЦИРС, стала ключевой структурой российского антикультового движения: она собирала досье на «секты», публиковала клеветнические материалы, а ее «эксперты» начали активно сотрудничать с правоохранительными органами, читая лекции для сотрудников ФСБ и предоставляя «экспертные заключения» для судов, которые становились основанием для запрета организаций и уголовного преследования верующих.

Свою идеологию Дворкин изложил в объемном труде «Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования». Эта книга, использовавшаяся в церковной антикультовой среде и учебном процессе ряда православных учебных заведений, стала библией для российских «охотников на ведьм». Российский религиовед Борис Фаликов, анализируя этот труд, писал:

«Почти на семистах страницах убогистого текста из главы в главу проходит нехитрое противопоставление: “сектантские” лидеры - страшные преступники против человечества на манер тех, что были осуждены Нюрнбергским трибуналом, рядовые же “сектанты” - безгласные жертвы...» (Б. Фаликов. «Анатомия мифа» // НГ-Религии, 11 апреля 2001 г.) [6]

Вся сложная палитра духовных исканий человека сводилась Дворкиным к примитивной уголовной схеме: есть мошенники-лидеры, а есть одураченные жертвы. В этой картине мира не было места для свободы совести, для искреннего поиска, для личного выбора. Любой человек, выбравший путь, отличный от «традиционного православия», объявлялся либо преступником, либо сумасшедшим.

С самого начала деятельность Дворкина вызвала резкое отторжение в российском академическом сообществе. Уважаемые ученые-религиоведы видели в нем не коллегу, а самозванца, провокатора и идеологически ангажированного полемиста.

Известный религиовед, Николай Шабуров, говорил:

«Я не знаю ни одного серьезного специалиста, религиоведа, который бы положительно относился к Дворкину, к его деятельности, к его текстам, к его высказываниям, к тем формам полемики, которые он ведет... Он и его последователи постоянно занимаются возбуждением межрелигиозной розни и клеветой на организации, которые, между прочим, действуют вполне легально». [4]

Итальянский социолог Массимо Интровинье, один из ведущих мировых специалистов по новым религиям, вспоминал:

«Я бы сказал, что его не воспринимают всерьёз на международном уровне. Когда он пытался посещать некоторые научные конференции, его, в общем-то, высмеивали. Потому что его интерпретации групп, таких как кришнаиты или Свидетели Иеговы, настолько далеки от академического подхода, что его не принимали всерьёз, и он перестал приезжать на научные конференции». [4]

Но голоса ученых тонули в грохоте пропагандистской машины, которую Дворкин и его покровители в РПЦ и во власти раскручивали все сильнее. Он получил доступ к государственным СМИ, его книга издавалась большими тиражами, его «экспертизы» принимались судами. Он стал незаменимым человеком для режима, который искал способ взять под контроль не только политическую, но и духовную жизнь страны.

И вот здесь мы подходим к главному, самому циничному парадоксу этой истории. Всеобщая декларация прав человека была создана, чтобы навсегда покончить с методами стигматизации, преследования и государственно поддерживаемой дискриминации. Чтобы право человека мыслить и верить свободно было защищено законом от посягательств государства и фанатиков. А теперь, на наших глазах, идеологический наследник Кюннета, Александр Дворкин, использует те же самые методы — «черные списки», дегуманизирующую риторику, сотрудничество со спецслужбами, — но делает это, прикрываясь языком... защиты прав человека.

В том самом отчете USCIRF, который я нашел после конференции в Варшаве, приведена знаковая цитата Дворкина, который обвиняет международное правозащитное сообщество, особенно тех, кто выступает за свободу вероисповедания и убеждений:

«Борьба за права человека подменяется борьбой за права организаций, которые нарушают права человека». [2]

Это классический пример оруэлловского двоемыслия. «Война — это мир, свобода — это рабство, незнание — сила». А в версии Дворкина: «Борьба за свободу — это ее уничтожение». Он и его сеть присвоили себе право решать, какие организации «нарушают права человека», и на этом основании требовать лишения прав и свобод их последователей. Это и есть формула современной инквизиции. Формула, которая отменяет презумпцию невиновности, верховенство закона и саму суть прав человека.

Призрак Третьего рейха стучится в наши двери. Он переоделся в костюм «эксперта», получил удостоверение и грант, и теперь учит нас, как правильно любить родину и в кого правильно верить. И самое страшное, что многие аплодируют ему, не понимая, что аплодируют собственным будущим палачам. Наследники ненависти снова с нами. И они не менее опасны своих предшественников, потому что научились носить маску добра.

Глава 2. Хор Кассандр: Голоса, которые не хотели слышать

Каждый, кто решается на собственное расследование, в какой-то момент задается вопросом: не вижу ли я заговоры там, где их нет? Может быть, я один замечая эту пугающую закономерность, это зловещее сходство между тенями прошлого и «респектабельными» фигурами настоящего? После того, как я осознал, насколько методики Александра Дворкина и его сети перекликаются с практиками нацистских «апологетов» и европейского антикультового активизма XX века, этот вопрос не давал мне покоя. Неужели я, случайный свидетель странной сцены в варшавском зале, оказался одним из немногих, кто потянул за эту ниточку и увидел, куда она ведет?

Этот вопрос мучил меня, пока я не наткнулся на материал, который разом и успокоил, и ужаснул меня. Это была статья под названием «Мнения ученых и правозащитников об Александре Дворкине». Ужаснула она меня своим содержанием. А успокоила тем, что я понял: я не один. Совсем не один. Оказалось, что задолго до меня, еще в те годы, когда Дворкин только начинал свое восхождение к вершинам власти в России, десятки людей — выдающиеся ученые, юристы, журналисты, правозащитники, даже священники — уже били в набат. Они кричали об опасности. Они писали статьи, давали интервью, выступали на конференциях, пытаясь донести до общества и до власти простую мысль: человек, которого вы превозносите как борца за чистоту веры, — лжец, провокатор и разрушитель. Человек, которому вы доверяете выносить «экспертные» приговоры судьбам людей и организаций, — некомпетентный дилетант с сомнительной репутацией и еще более сомнительными целями.

Это был целый хор Кассандр. Хор провидцев, чьи предупреждения, как и в древнем мифе, были проигнорированы. Их голоса потонули в грохоте государственной пропаганды, их аргументы были высмеяны, а сами они заклеены как «пособники сект» и «агенты Запада». Читая эти мнения сегодня, спустя годы, поражаешься их точности и дальновидности. Эти люди предсказали все: возрождение инквизиции, репрессии, запреты,

идеологическую диктатуру под видом «защиты традиционных ценностей». Они предвидели грядущую человеческую трагедию. Но их не услышали.

Сегодня мой долг — дать этим голосам прозвучать снова. Усилить их, чтобы никто не мог сказать: «Мы не знали». Эти цитаты, собранные из разных источников, многие из которых теперь доступны лишь в веб-архивах, — это не просто мнения. Это свод резкой критики. Резкая оценка, высказанная рядом ученых, журналистов, правозащитников и церковных деятелей человеку, ставшему символом новой, гибридной формы тоталитаризма. И это обвинение в полной мере распространяется на всю созданную им антикультовую сеть, чьи последствия ощущаются не только в России, но и в самом сердце Европы.

Первыми, кто выстроил глухую стену неприятия вокруг Дворкина, были люди науки. Российское академическое сообщество религиоведов с самого начала видело в нем не коллегу, а самозванца. Для настоящих ученых, чья работа основана на объективности, строгих критериях и уважении к предмету исследования, деятельность Дворкина была профанацией и шарлатанством. Он подменял научный анализ идеологическими штампами, сложные вопросы религиозного многообразия сводил к примитивному ярлыку «тоталитарная секта» и использовал псевдонаучную риторику для оправдания репрессий.

Авторитетные российские религиоведы единодушно критиковали деятельность Александра Дворкина, указывая на её деструктивный характер. Так, как уже упоминалось, профессор Николай Шабуров, известный специалист в области религиоведения и культурологии, подчёркивает, что Дворкин и его сторонники систематически разжигают межрелигиозную рознь, и занимаются клеветой, обвиняя легально действующие организации.

Шабурову вторит доктор философских наук Екатерина Элбакян. Она указывает на колоссальный вред, который Дворкин нанес той самой институции, которую якобы защищал, — Русской православной церкви, выставляя ее в глазах мира нетерпимой, агрессивной и враждебной базовым ценностям цивилизованного общества.

«Почему Александр Леонидович этим занимается — надо, наверное, спросить у него, только я сомневаюсь, что он вам честно ответит...

Он считает, что таким образом он защищает Русскую Православную Церковь. Он не понимает, что таким образом он наносит ей гораздо больше ущерб, чем пользу. В его лице Русская Православная Церковь предстает абсолютно нетерпимой к инаковости, абсолютно не воспринимающей идеи какие-то вот элементарные цивилизационные ценности, понимаете, которые присущи, ну, по крайней мере, теоретически они должны быть присущи — ценностями, которые, по крайней мере теоретически, должны быть присущи и нашей стране, которая, по крайней мере, по Конституции на данный момент остается демократическим государством с определённой шкалой ценностей, той же свободы совести, толерантности и так далее». [7]

Ученые видели, что Дворкин не просто ошибается. Он сознательно лжет, манипулирует и вводит аудиторию в заблуждение. Его главный труд, книга «Сектоведение. Тоталитарные секты», которую он сделал влиятельным текстом в церковной антикультовой среде, вызывала у профессионалов шок своей антинаучностью и обилием откровенных фальсификаций.

Борис Фаликов, известный религиовед прямо говорит о невежестве как о главном недостатке этого движения, дискредитирующем и Церковь, и государство.

«...я хотел бы подчеркнуть, что такое совершенное невежество религиоведческое вот этих самых сектаборцев, антикультистов, оно играет крайне вредную роль, потому что они фактически направляют наши силовые структуры, на те или иные религиозные меньшинства, новые религиозные движения их себя представляют. Они безграмотны, религиоведчески безграмотны. Но боюсь, что и в более широком смысле безграмотны. И вот это на мой взгляд, один из самых больших недостатков нашего сектоборческого движения, которое приносит большой вред и Православной церкви, которая позволяет себя ассоциировать, выдает гранты этим сектоборцам. И это дискредитирует и государство, которое поддерживает через свои силовые структуры эти движения». [8]

Ученых возмущало не только невежество, но и откровенная ложь. Александр Нежный, известный публицист, в своей статье «Уроки сектоведения»

приводит целый список вранья, на котором Дворкин построил свою карьеру. От выдуманной биографии политического изгнанника до фейковых статистических данных о тысячах разрушенных семей — вся его деятельность, по словам Нежного, представляла собой «жалкий и злобный вымысел».

«Между тем, во всём, что он и его единомышленники твердят на всех перекрестках, нет ни единого слова правды. Он лжёт, напаявая на себя терновый венец политического эмигранта...

Он лжёт, объявляя наш Закон “О свободе совести” 1990 г. копией американского, — хотя бы потому, что в США подобного закона попросту нет. Он лжёт, сообщая потрясенному обществу о двухсот пятидесяти тысячах разрушенных сектантами семей. Я позвонил сотруднику Прокуратуры РФ, будто бы располагающему подобными сведениями. Тот отослал меня к профессору Н.А. Трофимчуку, заведующему кафедрой религиоведения Академии государственной службы. Профессор ответил, что такой статистики не существует, а Дворкин врет. Он лжёт, обвиняя Свидетелей Иеговы, Общество Сознания Кришны, Церковь объединения, Церковь саентологии и другие религиозные объединения в преступлениях против личности и государственной безопасности. Ни единого факта, ни единого свидетельства, ни одного уголовного дела — лишь убогий и злобный вымысел». [9]

Нежный завершает свою статью грозным библейским предупреждением: «Но “профессор”, “доктор”, “кандидат” и “бакалавр”, наверное, знает, кто был и остаётся отцом всякой лжи. И помнит, должно быть, грозное предостережение мудрого царя: “кто говорит ложь, погибнет” (Притчи 19:9)». [9]

Игорь Кантеров, религиовед и заслуженный профессор МГУ, прямо сравнивал труды Дворкина с памфлетами, изготовленными по лекалам Лео Таксиля или Емельяна Ярославского, и указывал на то, что они преимущественно содержат «насмешки и нарочито карикатурное описание» учений новых религиозных движений, а также уголовную терминологию («вербовка», «секты-убийцы») и лишены серьезного обоснованного анализа. [10]

Этот поток критики лился не только со стороны светских ученых. Даже в церковной среде многие видели в Дворкине опасного дилетанта, дискредитирующего православие.

Протоиерей Владимир Федоров. В предисловии к книге Эйлин Баркер «Новые религиозные движения» он прямо осуждал разжигание межхристианской вражды под видом миссионерства.

«И Александр Дворкин здесь не одинок. Все, кто под предлогом миссионерских задач, ради православного свидетельства разжигают межхристианскую рознь и вражду... эти люди не чувствуют подлинно христианского призыва к утверждению свободы совести. Тем не менее у нас нет ни морального, ни юридического права культивировать вражду и устраивать обличительные кампании, причем не только против инославных, но и внутри самого Православия. Согласно статье 29 Конституции Российской Федерации, “не допускается пропаганда или агитация, возбуждающие... религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда... религиозного превосходства”. Странно указывать на этот Закон христианам. Разве в Евангелии не открыта нам раз и навсегда заповедь любви?» [11]

Однако, несмотря на вал критики, Дворкин продолжал свое победное шествие. Ему открывались все двери, предоставлялись самые высокие трибуны. Он неустанно колесил по регионам, выступая перед широкой аудиторией — от глав администраций до рядовых монахов. И это не могло не вызывать недоумения и тревоги. Почему голоса уважаемых ученых тонут, как шепот, а крикливая пропаганда самозванца гремит на всю страну? Ответ был прост и страшен: Дворкину кто-то дал «зеленый свет». Его деятельность была кому-то выгодна.

Религиовед Кирилл Товбин уловил суть этой выгоды. Напомню, что он объяснял, что Дворкин создал универсальное идеологическое оружие — термин «тоталитарная секта», который можно было применить к кому угодно.

Товбин блестяще вскрыл механизм этой технологии. Агрессивно продвигаемый Дворкиным ярлык «секта» не выдерживал научной критики, но идеально служил интересам одной из сторон — РПЦ (МП), стремящейся устранить конкурентов.

«Ярким показателем неврастенического климата является понятие “секта”, усиленно продвигаемое неоправославными сектоборцами во главе с А.Л. Дворкиным... Без сомнения, этот термин не выдерживает научной критики по первейшему показателю научности – объективности. Это субъективный термин, выражающий интересы субъекта, стремящегося к устранению конкурентов, претендующих на российскую паству, – РПЦ МП. Религиозное сознание – в особенности христианское (и постхристианское) – характеризуется жёстко детерминированной системой координат, порождающей отношение к любому индивиду, находящемуся вне этой системы, как к демоническому, дьявольскому, разрушительному агенту – без внимания к тому, выражает он интересы иной конфессии или является атеистом или агностиком». [12]

По словам Кирилла Товбина, когда религиозное сознание, поддерживаемое государственным протекционизмом, выходит за рамки церковной среды и становится общественной моралью, оно втягивает светское общество в дихотомию «свой-чужие». Это порождает «вождизм, недоверчивость и подозрительность, утверждается бинарное отношение к социальной действительности», а также «склонность к проявлению стадных инстинктов», формируя человека, который становится «отличным инструментом для олигарха-бюрократической политической машины». [12]

То, что для России было внутренней трагедией, на международной арене выглядело как позорный фарс. Ведущие западные ученые, специалисты по новым религиям, воспринимали Дворкина как маргинальную по академическим меркам фигуру.

Французский социолог Режи́с Дерикбур отмечал высокую активность Александра Дворкина в борьбе против неправославных религиозных движений и его поддержку со стороны бывшего министра юстиции России Александра Коновалова, который ранее был студентом Дворкина в Свято-Тихоновском православном университете. Дерикбур прямо называл риторику Дворкина «языком ненависти» (hate speech). [13]

Но если ученые видели в Дворкине невежественного и нелепого фанатика, то правозащитники и юристы разглядели в нем нечто гораздо более страшное:

угрозу правам человека и пособника репрессивных практик авторитарных режимов. В частности, правозащитники отмечали, что Дворкин, выступая на конференциях в Китае, способствовал оправданию жёстких репрессий против мирного духовного движения Фалуныгун, обвиняя его в деструктивности. В геополитическом контексте Дворкин изображал Фалуныгун как «западный культ», якобы используемый для подрыва китайских властей, что усиливало антизападную риторику и оправдывало преследования. [14]

Это оправдание репрессивных практик, а не научная полемика. Это соучастие в преступлениях против человечности.

Основатель Института религии и общественной политики Джозеф Грибоски, комментируя деятельность Дворкина, не стеснялся в выражениях, назвав ее «безумной».

«Честно говоря, я думаю, единственный термин, который я мог бы использовать для описания деятельности Александра Дворкина, — это безумие... У Дворкина нет образования, нет опыта, нет оснований для его тирад. Это просто бредни злого, безумного человека». [4]

Масштаб личности и деятельности Дворкина становился все более зловещим. Но, пожалуй, самое страшное заключалось не в его личных качествах или псевдонаучных теориях. Самое страшное было в том, что государство сделало этого человека своим официальным экспертом. В 2009 году происходит событие, которое многие эксперты восприняли как точку невозврата, как окончательное оформление союза между антикультовой истерией и государственной репрессивной машиной. Александр Дворкин был назначен председателем Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации.

Эта новость вызвала шквал негодования. Люди, понимающие, что такое свобода совести и чем грозит ее уничтожение, осознали, что на ключевую экспертную позицию поставили крайне ангажированную фигуру. Теперь человек, чья репутация в научном и правозащитном сообществе была крайне спорной, если не сказать равна нулю, получил в свои руки официальные рычаги для расправы с неудобными.

Социолог и религиовед Сергей Филатов в 2009 году не выбирал выражений:

«Избрание Александра Дворкина — акт (и со стороны власти, и со стороны РПЦ, которая не могла не благословить такое возвышение главного патриархийного сектоведа) или дерзости или безумия. Дворкин — фигура знаковая, на протяжении многих лет он шельмует без особого разбора религиозные меньшинства, обвиняет (или подозревает их) в самых невероятных преступлениях, призывает власти покончить с религиозной свободой. До сих пор он выступал в роли главного сектоведа РПЦ. Раскручиваемая им перманентная кампания ненависти не красила РПЦ. На мой взгляд, она ее просто дискредитировала. Но, в конце концов, он выступал лишь в роли выразителя взглядов общественной организации, а не власти. Теперь за всю ненависть и клевету, которыми он фонтанирует, несет ответственность государство». [15]

Александр Брод, директор Московского бюро по правам человека, назвал работы Дворкина «псевдонаучными», целью которых является безосновательная дискредитация и последующий запрет целого ряда религиозных конфессий и движений, а самого Дворкина — автором, чьи «оскорбительные выступления, статьи и книги неоднократно вызывали возмущение у представителей различных конфессий, а также у экспертов-религиоведов». [16]

Александр Верховский, директор авторитетного информационно-аналитического центра «СОВА», также выразил недоумение по поводу назначения Дворкина на столь ответственный пост.

«Странно, конечно, что такого человека назначили на ответственный пост, связанный с министерством. Я думаю, что с тех пор министр успел десять раз пожалеть об этом, но, тем не менее, он на этом посту находится».

Эксперт по проблематике противодействия преступлениям ненависти и защите свободы слова Александр Верховский, уверен, что проблема не столько в диагнозах, сколько в самой деятельности Дворкина: *«Честно говоря, на меня не производит никакого впечатления информация о том, что Дворкин лежал в*

психиатрической клинике. Мало ли что с человеком было много лет назад – сейчас-то он в ней не лежит. Да, он экстравагантный, но на свете много экстравагантных людей. Это не худший его недостаток. А реальная проблема Дворкина заключается в том, что его взгляды, которые он всюду распространяет, опираются на очень сомнительные западные источники, на теорию и практику людей, которые являются совершеннейшими маргиналами на белом свете. Но Дворкин как талантливый популяризатор эти взгляды сделал авторитетными... как минимум в православной среде. И это очень печально...»

Он также отметил, что Дворкин распространяет ложную информацию, ссылаясь на иностранные источники, которые трудно проверить. [17]

Религиовед Михаил Жеребятьев в своей статье предсказал, что «сам факт минюстовской “легализации” антикультизма и православного “сектоведения” почти в статусе “научной специальности” посредством наделения (хотя бы на час!) полномочиями главного эксперта в области религиоведения антикультиста и “сектоведа” Александра Дворкина будет использован и конфессионально ангажированной публикой, и недалёкими чиновниками, что называется, по полной программе. Зная, что массовое православное просвещение “на местах” и, прежде всего, школьных учителей, родителей учащихся, самих учеников, студентов, низовых чиновников – сегодня сводится к рассказам об опасностях, которые несёт простодушным носителям “традиционной” религиозности разномастное “сектантство”, нетрудно догадаться, что возвышение “антикультиста всея Руси” отзовется повышением спроса на “православных сектоведов”. Таких, как Дворкин!» [18]

Прогноз Жеребятьева сбылся с пугающей точностью. Назначение Дворкина дало отмашку для начала полномасштабной войны с инакомыслием по всей стране. Его «лекции» и «семинары» стали индульгенцией для местных жителей, позволяющей им громить молитвенные дома, срывать богослужения и запугивать верующих: *«власти на Дальнем Востоке понимают опасность межрелигиозных столкновений, а поэтому, к примеру, разъезжающего с оскорбительными для разных религий и конфессий лекциями сектоборца Александра Дворкина, главу Совета по религиоведческой экспертизе при Минюсте РФ, не пускают во Владивосток. Дворкин ездит по периферийным*

городам – например, в городе Спасске Приморского края после его лекций были выбиты все стекла в протестантских Домах молитвы, и как следовало ожидать, виновников не нашли». [19]

«Выжженная земля». Эту метафору использовал религиовед Владимир Шмидт, пытаясь описать последствия деятельности Дворкина. В своем эмоциональном комментарии он рисует портрет человека с «воспаленным сознанием», который ищет черную кошку в темной комнате и сам себя разрушает, но по пути сеет вокруг разрушение и рознь.

«Он [Дворкин] сейчас выглядит как неуравновешенный, малограмотный человек, который капсулировался. Но при всем этом я скажу, что это хорошо образованный человек, с богатым жизненным опытом, но человек, который в настоящее время оказался с очень узким горизонтом в рамках общества, и поэтому в обществе он оказывается опасным человеком, потому что он приписывает явлениям то, чего нет... Сегодня Дворкин разжигает межрелигиозную рознь... Он себя ведет как человек с воспаленным сознанием, который в темной комнате ищет черную кошку. Он навешивает ярлыки, как дурной психолог. Как психолог, который сам болеет и думает, что болеют все вокруг... Шарлатаны не могут находиться в экспертных комиссиях. Не может быть человек, у которого неустойчивое сознание и который кликушествует, который говорит неадекватные вещи, выступать от лица экспертного сообщества, даже если вдруг это кому-то политически выгодно. За такой политической выгодой может быть утрачено в перспективе устойчивость и стабильность общества в целом... Дворкин после себя оставил выжженную землю». [20]

«Выжженная земля» ... В этой фразе — вся суть произошедшей в России катастрофы. Почва для гражданского мира, для диалога, для веротерпимости, которая так робко начала прорастать в 90-е, была выжжена напалмом ненависти и ксенофобии. И главным агрономом на этом адском поле был Александр Дворкин.

Но самое поразительное, что эта деятельность получила признание и поддержку не только внутри России. Назначение Дворкина главой экспертного совета при Минюсте совпало по времени с его возвышением на международной

арене. В том же 2009 году он становится вице-президентом FECRIS — Европейской федерации исследовательских и информационных центров по вопросам сектантства. Именно 2009 год как рубеж его международного усиления прямо отмечен в отчете USCIRF.

Это был уже не просто российский феномен. Это была международная сеть. Сеть, которая, базируясь во Франции и получая финансирование от французского правительства, давала трибуну и легитимность человеку, которого ведущие американские эксперты призывали «публично осудить» за дезинформацию и нарушение прав человека.

Комиссия США по международной религиозной свободе (USCIRF), независимый двухпартийный орган, консультирующий Президента, Конгресс и Госдепартамент, в своих материалах выражала серьезную обеспокоенность по поводу создания нового Экспертного совета при Минюсте РФ и, в частности, по поводу фигуры его председателя — Александра Дворкина. а в специальном отчете 2020 года прямо связала его деятельность с влиянием на репрессивное регулирование религии в России и в ряде стран бывшего СССР, включая Казахстан, Таджикистан и Узбекистан.

Картина обретала пугающую целостность. Россия стала полигоном, на котором были отработаны технологии подавления свободы совести. Дворкин — главным технологом и исполнителем этого эксперимента. А европейская антикультовая сеть FECRIS — международной площадкой международной легитимации, которая обеспечивала этому процессу респектабельный фасад и экспортный потенциал. То, что они сотворили с Россией — превратили ее в территорию, где людей сажают в тюрьму за чтение Библии, где мирные верующие объявляются «экстремистами» и подвергаются жесткому преследованию, — они теперь пытались, под теми же благовидными предложениями, импортировать в Европу.

Меня поразила не только широта критики, но и ее бессилие. Десятки умных, честных, смелых людей кричали «Пожар!», но их никто не слушал. Их голоса были слишком тихими на фоне рева пропагандистской машины. Их рациональные аргументы тонули в потоке иррациональной ненависти. Жертвы стигматизации, те, кого Дворкин и его окружение клеймили «сектантами» и

«культистами», были лишены права голоса, проигрывали суды и отправлялись за решетку. Академическое сообщество, пытавшееся возражать, было оттеснено на обочину общественной дискуссии.

Почему так произошло? Почему общество оказалось глухо к голосу разума и совести?

Возможно, ответ кроется в самой природе антикультовой идеологии. Она апеллирует не к разуму, а к самым темным инстинктам: к страху перед чужим, к подозрительности, к желанию найти простого врага, на которого можно свалить все проблемы. Она предлагает простые ответы на сложные вопросы. Она освобождает от необходимости думать и сомневаться. В обществе, уставшем от перемен и неопределенности, такая идеология всегда найдет благодарных слушателей.

К тому же, Дворкин и его сеть мастерски создали себе образ нестигаемых защитников веры и отечества, а всех своих оппонентов записали в стан врагов. В такой системе координат любой диалог становится невозможен. Есть только «мы» (светлые воины) и «они» (темные силы).

У меня перед глазами вставала страшная картина. Это был не просто спор об идеях. Это была планомерная, хорошо организованная и институционально поддерживаемая война на уничтожение. Война против инакомыслия. Война против свободы. Война против самой сути прав человека.

И велась эта война не какими-то маргиналами с окраин, а людьми, облеченными властью, сидящими в государственных советах и международных федерациях. Людьми, которые научились называть ненависть — защитой, клевету — экспертизой, а репрессии — восстановлением справедливости.

Я понял, что разоблачить эту ложь — задача невероятной сложности. Но после того, как я услышал этот хор Кассандр, я также понял, что это мой долг. Долг перед теми, кто пытался, но не был услышан. Долг перед теми, кто стал жертвой этой репрессивной машины. И долг перед будущим, в котором ни один человек не должен быть унижен, затравлен или брошен в тюрьму только за то, во что он верит.

Глава 3. Пропаганда, «Экспертизы» и троянский конь антикультовой сети

Десятки выдающихся умов России — ученые, юристы, правозащитники, священники — с самого начала кричали об опасности, которую несет в себе Александр Дворкин и его зарождающаяся сеть. Они видели в нем не борца за веру, а самозванца и провокатора. Они распознали в его «сектоведении» не науку, а идеологическое оружие. Они предрекли, что его деятельность неизбежно приведет к репрессиям, удушению свобод и возрождению самых темных страниц истории. И они оказались правы. Многие из их предупреждений впоследствии подтвердились развитием российской религиозной политики.

Почему голоса признанных авторитетов, интеллектуальной элиты нации, потонули, как шепот в бурю, а крикливые, полные ненависти и лжи тирады человека с сомнительной репутацией и без профильного образования были подхвачены, усилены и превращены в государственную политику? Как так вышло, что общество, пережившее ужасы тоталитаризма, оказалось глухо к предупреждениям о его возвращении?

Ответ не может быть простым. Он кроется не в одном человеке и даже не в одной организации. Ответ кроется в механизме. В отлаженной, безжалостной и эффективной машине, которая была сконструирована и запущена для того, чтобы подавлять инакомыслие, разрушать гражданское общество и превращать свободных людей в послушное стадо. Эта машина не была изобретена Дворкиным. Как мы уже знаем, ее чертежи были созданы еще в тридцатых годах в Германии. Но именно он, при поддержке своих покровителей, сумел собрать ее на российской земле, смазать все шестерни и запустить на полную мощность.

В основе любой машины лежит источник энергии. В основе машины ненависти Дворкина таким источником стал один простой, но гениально подобранный термин — «тоталитарная секта». Чтобы понять всю

разрушительную силу этого словосочетания, нужно вновь окунуться в атмосферу России начала 90-х. Страна только что сбросила оковы одного тоталитаризма — коммунистического. Слово «тоталитарный» было наполнено живым, осязаемым ужасом. Оно ассоциировалось с ГУЛАГом, с КГБ, с подавлением всякой свободы, с миллионами невинных жертв. Это было самое страшное клеймо, которое только можно было себе представить.

И Дворкин, вернувшийся из Америки бывший «антисоветчик», прекрасно это понимал. Он не стал утруждать себя сложными богословскими диспутами о ересь или научными религиоведческими классификациями. Зачем? Он нашел универсальный ключ, отмычку, которая открывала доступ к самым глубинным страхам постсоветского человека. Он просто взял слово «тоталитарный» и приклеил его к слову «секта».

В научном мире этот термин не значит ничего. Он не выдерживает никакой критики, поскольку является идеологическим, а не научным. Но Дворкину и не нужна была наука. Ему нужно было оружие. И он его получил.

Любая группа, любое учение, любой человек, чьи взгляды отличались от предписанной «нормы» (которую определял сам Дворкин и его покровители из РПЦ), могли быть мгновенно заклеены этим ярлыком. Протестанты? Тоталитарная секта. Кришнаиты? Тоталитарная секта. Последователи восточных практик? Тоталитарная секта. Люди, занимающиеся личностным ростом? Тоже секта, только «коммерческая». Дворкин, как выразился Товбин, *«делает это ловко — я бы даже сказал, умело — говоря о коммерческих культах, говоря о Гербалайфе, говоря о пылесосах Кирби...»*

Эффект был мгновенным и сокрушительным. Как только на группу навешивался ярлык «тоталитарная секта», она автоматически выводилась за рамки правового и даже человеческого поля. С ней больше не нужно было вести диалог. Ее не нужно было изучать. Ее нужно было бояться и уничтожать. Ведь она «тоталитарная», а значит, несет в себе то самое зло, от которого страна, казалось бы, только что освободилась. Дворкин мастерски сыграл на исторической травме, используя ее для разжигания новой волны ненависти.

Он сам не скрывал сути своего изобретения. В своей книге «Сектоведение» он дает определение, которое является не научным, а чисто уголовно-

пропагандистским: *«тоталитарная секта» по Дворкину — это «авторитарная организация, главным смыслом существования которой являются власть и деньги, для получения которых секта прикрывается псевдорелигиозными, псевдокультуроведческими и другими псевдоцелями».* [21]

Вдумайтесь в эту формулировку. Она построена так, что под нее можно подвести кого угодно. Любая организация имеет структуру власти. Любая организация собирает пожертвования или ведет коммерческую деятельность. А уж что считать «псевдоцелями» — решает сам Дворкин. Это не определение, это приговор. Заранее вынесенный и не подлежащий обжалованию.

Это был первый и главный элемент машины. Идеологическая боеголовка. Но чтобы она взорвалась, ее нужно было доставить к цели. Для этого требовалась система доставки. И этой системой стала институционализация антикультизма, его вращение в тело государства.

Переломным моментом, точкой невозврата стал ранее упомянутый 2009 год. Год, когда произошло немыслимое. Человек, которого все академическое сообщество считало самозванцем, чьи «труды» вызывали у профессионалов смех и возмущение, чья деятельность была построена на лжи и разжигании розни, был назначен на высший в стране экспертный пост в сфере религии. Александр Дворкин возглавил Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации.

Это было все равно, что назначить Джека-потрошителя главой комиссии по этике. Это был плевок в лицо всем ученым, всем правозащитникам, всему гражданскому обществу. Это была открытая декларация: «Нам плевать на ваше мнение. Нам плевать на науку, на закон, на Конституцию. Отныне мы будем решать, кто в этой стране имеет право верить, а кто — нет».

Реакция здравомыслящей части общества была предсказуемо яростной.

Но самый сокрушительный удар по легитимности нового совета нанесла доктор философских наук Екатерина Элбакян. В своем комментарии она с убийственной иронией и горечью констатировала полный абсурд происходящего:

«Я была, честно говоря, в шоке, обнаружив, что г-н Дворкин, не обладающий не только личными качествами, но и каким-либо формальным религиоведческим образованием, возглавляет этот Экспертный совет по государственной религиоведческой экспертизе. Только один член совета, Игорь Яблоков, имеет религиоведческое образование. Я была, мягко говоря, крайне удивлена». [22]

Вслушайтесь в эти слова. Орган, наделенный правом решать судьбы религиозных организаций по всей стране, выносить вердикты, которые лягут в основу судебных решений, возглавляет человек профильного религиоведческого образования. А из всего состава совета только один (!) человек является профессиональным религиоведом. Это был не экспертный совет. Это был трибунал. Инквизиция, получившая государственный мандат.

С этого момента машина ненависти заработала в полную силу. Она действовала по трем основным направлениям, создавая эффект тотального, удушающего давления. Это была идеально скоординированная атака на сознание, на закон и на физическую безопасность людей. Я бы назвал это «триадой террора»: молот пропаганды, скальпель «экспертизы» и кулак прямого насилия.

Молот пропаганды был первым и самым оглушающим инструментом. Получив официальный статус, Дворкин обрел практически неограниченный доступ к государственным и церковным СМИ. Он стал медийной звездой. Его лицо не сходило с экранов телевизоров, его голос звучал из радиоприемников, его интервью и статьи тиражировались в десятках изданий.

Он был неутомим. Бесконечные поездки по регионам, лекции перед чиновниками, силовиками, учителями, священниками. Он вещал с амвонов и с высоких трибун, сея страх и подозрительность. Везде он рассказывал одну и ту же страшную сказку, что Родина в опасности, враг у ворот, и враг этот — коварные и безжалостные «тоталитарные секты», которые похищают наших детей, отбирают квартиры, доводят до самоубийства и готовят захват власти в России.

Его выступления были не анализом, а сеансом массового гипноза. Сергей Иваненко, религиовед, которому довелось общаться с Дворкиным на заре его карьеры, оставил очень яркое описание личности «главного сектоведа»:

«У меня сложилось определённое понимание личности А. Л. Дворкина, который стал своего рода символом российского антикультизма. Горящие глаза, напористая речь, безудержная демагогия и слабое знание предмета обсуждения. Мне показалось, что передо мной Хлестаков собственной персоной.

Двух Александров (Хлестакова и Дворкина) роднит склонность к патологической лжи. Это особое психологическое состояние. По мнению некоторых психологов, патологические лгуны отличаются от обычных лжецов тем, что, произнося ложные утверждения, уверены в том, что говорят правду.

В отличие от Александра Хлестакова, который выдавал себя за важную персону с обширными связями в высших эшелонах общества, но в реальности этих связей не имел, Александр Дворкин смог установить контакты с сильными мира сего». [23]

«Горящие глаза, напористая речь, безудержная демагогия». Этот портрет фанатика, одержимого своей идеей, дополняли другие очевидцы. Вспомним слова Вилли Фотре: «Этот парень — абсолютный сумасшедший». Или уничтожающую характеристику, данную Джозефом Грибоски, основателем Института религии и общественной политики: «Это просто бредни злого, безумного человека».

Но этот «бред» транслировался на многомиллионную аудиторию. И он падал на благодатную почву. Риторика Дворкина была проста и эффективна. Он использовал самые примитивные, но безотказно работающие пропагандистские приемы.

Во-первых, это уже упомянутая нами дегуманизация. Помните его сравнение «культов» с «раковыми клетками»? Эта патологизирующая метафора повторялась им снова и снова.

Александр Дворкин в своих выступлениях прибегал к дегуманизации, сравнивая «культы» с «раковыми клетками», подчёркивая их разрушительное воздействие на общество. Эта метафора, использованная им на конференциях в Китае, оправдывала репрессии против религиозных групп, таких как Фалуныгун, представляя их как угрозу обществу. [25]

Человек, чью веру объявили «раковой опухолью», перестает быть субъектом права и морали. Он становится объектом для «хирургического вмешательства».

Во-вторых, это тактика «обвинения по ассоциации» и распространения непроверенных слухов. Дворкин мастерски смешивал в кучу реальные преступления, совершенные отдельными лицами, с деятельностью целых религиозных организаций, создавая у обывателя впечатление, что все они — одна большая криминальная банда. Как отмечал в своем анализе Марат Штерин, докторант Лондонской школы экономики:

«Основное допущение статьи Дворкина заключается в том, что все НРД по сути обладают одинаковыми характеристиками... Таким образом, автору кажется достаточным привести несколько примеров из нескольких групп, чтобы сделать общее заявление об опасностях, исходящих от всех НРД... В статье широко используется метод “обвинения по ассоциации”. Следуя такой логике, автор был обречен попасть в своего рода порочный круг: культы опасны, потому что их деятельность опасна; их деятельность опасна, потому что культы опасны...». [26]

Штерин также указывает, что Дворкин без разбора использует газетные «утки», посты в интернете и слухи, выдавая их за доказанные факты, и, по сути, «перерабатывает свою собственную информацию», ссылаясь на общественное мнение, которое сам же и сформировал. Это классический пример создания пропагандистского «закрытого цикла», где ложь, многократно повторенная, начинает восприниматься как истина.

В-третьих, это создание атмосферы тотальной угрозы. В своих выступлениях Дворкин рисовал апокалиптические картины. Например, обвинял Свидетелей Иеговы не просто в «неправильной» вере, а в том, что их идеология деструктивна и поддерживается из-за рубежа, представляя угрозу

обществу, что они ведут подрывную деятельность. Александр Дворкин в своих выступлениях обвинял Свидетелей Иеговы в нелояльности государству из-за отказа от службы в армии и переливания крови, а также в ожидании Армагеддона, после которого, по их вере, неверующие будут уничтожены, а они сами будут править с Богом.

Любая домохозяйка, услышав такое по телевизору, начинала с подозрением смотреть на своего соседа-Свидетеля Иеговы. Он уже не был просто человеком с другими взглядами. Он был потенциальным предателем, шпионом, который ждет, когда «все мы погибнем».

Как ранее отмечалось, религиовед Владимир Шмидт охарактеризовал итоги антикультовой кампании Александра Дворкина как «выжженную землю», подчёркивая её разрушительное воздействие на общество. По мнению Шмидта, фанатичная риторика Дворкина, основанная на стигматизации религиозных меньшинств, способствует межрелигиозной розни и угрожает социальной стабильности. [20]

На этой выжженной земле общественного сознания, отравленного страхом и ненавистью, взошли ядовитые плоды. Молот пропаганды подготовил почву для второго инструмента машины — скальпеля «экспертизы».

Это, пожалуй, самый циничный и самый коварный элемент всей системы. Антикультовая сеть Дворкина создала целую индустрию по производству псевдонаучных «экспертных заключений», которые затем использовались в судах как главное доказательство «преступной» и «экстремистской» сущности неудобных организаций.

Возглавив экспертный совет при Минюсте, Дворкин и его соратники получили возможность ставить официальную государственную печать на свои пасквили. Как это работало на практике? Прокуратура или Следственный комитет, инициируя дело против очередной «секты», назначали «религиоведческую экспертизу». И поручали ее... кому? Правильно, членам сети Дворкина — РАЦИРС. Людям, которые, как и их лидер, в большинстве своем не имели профильного образования, но были переполнены конфессиональной ненавистью и заранее знали, какой вывод они должны написать.

Эти «экспертизы» были чудовищным надругательством над наукой и здравым смыслом. В них богословские тексты анализировались с точки зрения Уголовного кодекса, мирные проповеди объявлялись «призывами к разрыву семейных отношений», а утверждения о единственной истинности своего учения — «пропагандой исключительности» и, следовательно, экстремизмом.

Одним из самых громких и абсурдных примеров стала попытка запретить в России как «экстремистский материал» книгу «Бхагавад-гита как она есть» — священный текст для миллионов индуистов по всему миру, комментированный основателем Общества сознания Кришны. Дело, инициированное в Томске, основывалось на «экспертизе», авторы которой усмотрели в древнем философском трактате признаки «разжигания религиозной ненависти». Екатерине Элбакян, которую вайшнавцы попросили дать научный анализ этой «экспертизы», пришлось констатировать ее «невежественный, явно заказной характер». [28]

Но если дело с «Бхагавад-гитой» благодаря международному скандалу и вмешательству индийского правительства удалось отбить, то в сотнях других случаев этот конвейер работал безотказно. Заключение, подписанные Дворкиным или его подручными, ложились в основу обвинительных приговоров. Адвокат и доктор юридических наук Анатолий Пчелинцев, комментируя эту практику, отмечал, что по критериям самого Дворкина его собственная организация является «классической сектой, причем тоталитарной».

«У нас сегодня сложилась такая практика, что все стали “сектантами”. Дворкин даже выделяет группу коммерческих сект: те, кто занимается так называемым сетевым маркетингом, это тоже сектанты. Целительские организации, народные целители – все это сектантство. С моей точки зрения, по тем критериям сектантства, которые он выделяет, вот его группа – это типичная секта, причем тоталитарная. И я не стесняюсь говорить, что это околорасправославная секта». [27]

Юрист Владимир Ряховский, сопредседатель Славянского правового центра, был еще более категоричен: *«по существу и является крайне деструктивной сектой, которая, основываясь на лжи, пропагандирует*

вражду к целому ряду официально действующих в нашей стране законопослушных религиозных объединений». [10]

Самым страшным итогом работы этого «скальпеля» стал запрет в 2017 году Свидетелей Иеговы. Организация, которая по всему миру известна своим пацифизмом и политической нейтральностью, была объявлена в России «экстремистской». Это решение, немыслимое для любого демократического государства, было идеологически подготовлено годами демонизации со стороны Дворкина и юридически оформлено в более широком контексте антикультовой и антиэкстремистской кампании, к которой он внес заметный вклад. Последствия были ужасающими: сотни уголовных дел, тысячи обысков, аресты, избиения и пытки верующих, включая пожилых людей и женщин. Это надежно документировано USCIRF и другими международными правозащитными наблюдателями.

Россия, пережившая крах советского тоталитаризма, в этой сфере вновь пришла к практике системного преследования за убеждения, и сеть Дворкина сыграла в этом заметную идеологическую роль.

Машина, запущенная Дворкиным, превратила Россию в страну, где людей преследуют за веру с чрезвычайной жесткостью, а среди жертв оказались и Свидетели Иеговы — группа, уже подвергавшаяся преследованиям в нацистскую эпоху.

Но машина ненависти не ограничивалась кабинетами и залами суда. У нее был и третий, самый грубый инструмент — кулак прямого насилия и травли.

Пропаганда создавала образ врага. «Экспертизы» лишали этого врага правовой защиты. А дальше в дело вступали «активисты» на местах — либо обманутые и напуганные обыватели, либо откровенные отморозки, почувствовавшие свою безнаказанность. Лекции Дворкина, которые он читал по всей стране, были не просто просветительскими мероприятиями. Критики утверждали, что они нередко создавали атмосферу, в которой нападения и травля становились более вероятными.

Как отмечалось ранее, лекции Александра Дворкина, проводимые по всей стране, выходили за рамки просветительства, нередко становясь катализатором насилия против религиозных меньшинств. Религиовед Роман Лункин

подчёркивал, что антикультовая риторика Дворкина, оскорбляющая различные конфессии, привела к серьёзным последствиям. Так, в одном из малых городов Приморского края после его выступления были разгромлены протестантские молитвенные дома, что подчеркивает деструктивный характер его деятельности. [19]

Представьте себе эту картину. Приезжает столичный «профессор», облеченный доверием Минюста и Патриархии. Рассказывает местным жителям, что их соседи-протестанты — это «американские шпионы» и «тоталитарная секта». А на следующую ночь в их молитвенном доме летят камни. Это и есть механика ненависти в действии. Слова, произнесенные с высокой трибуны, превращаются в осколки стекла и в страх в глазах детей.

Иногда Дворкин и сам не брезговал переходить от слов к делу. Широкую огласку получила история, рассказанная Сергеем Косенко, последователем Сознания Кришны, который столкнулся с «главным сектоведом» лицом к лицу в московском подземном переходе. Его рассказ — это бесценное свидетельство, показывающее истинное лицо «борца за веру» Дворкина.

«1 мая столкновение с Дворкиным произошло в том же самом переходе с “Кузнецкого моста” на “Лубянку” в 11 часов утра. У меня в руках была стопка из 20 книг (той же книги “Наука самосознания”), которые я держал обеими руками. Поэтому при всём желании я не мог никого ударить. Дворкин подбежал и потащил меня за руки и за рюкзак, который был у меня за плечами. Я же встал перед Дворкиным и просто смотрел на него, держа книги. Он принялся выкрикивать оскорбления в адрес автора книги “Наука самосознания” духовного учителя Бхактиведанту Свами Прабхупада. В ответ я сказал Дворкину, чтобы тот не оскорблял учителя, потому что, благодаря ему и его переводам и комментариям к священным писаниям, я изменил свою жизнь к лучшему. После этого Дворкин схватил одну из книг из моей стопки и принялся рвать её. Книга была в твёрдой обложке, но он смог разорвать её пополам. Я сохранил эту разорванную книгу...

Наверное, ему надо было самого себя убедить в своей правоте. Таким образом, каждый фанатик обычно убеждает себя в своей правоте, укрепляет себя. Сначала он хватается книгу, а потом может и нож взять в руки для того,

чтобы убить во имя своей веры, то есть он уже по существу не контролирует себя». [29]

Рвать книги в подземном переходе... Это поведение не профессора и не богослова. Это поведение уличного хулигана, упивающегося своей силой и безнаказанностью. Это поведение фанатика, для которого нет ничего святого, кроме собственной ненависти. Этот эпизод, как капля воды, отражает всю суть деятельности Дворкина и его сети: агрессия, нетерпимость и стремление уничтожить все, что не вписывается в их узкую картину мира.

Итак, триада террора — молот пропаганды, скальпель «экспертизы» и кулак насилия — позволила антикультовой сети зачистить духовное поле России. Они добились своей цели. Они заставили замолчать одних, запугали других, бросили за решетку третьих. Они создали атмосферу, в которой быть «не таким, как все» стало опасно.

Но, как я уже говорил, Россия была лишь полигоном. Успешно обкатав свою машину на родине, ее создатели приступили к следующему этапу плана: экспорту. Экспорту ненависти в самое сердце Европы. И главным каналом для этого экспорта, главным троянским конем российского антикультового влияния стала организация с респектабельной европейской вывеской — FECRIS.

FECRIS — Европейская федерация центров исследований и информации о сектантстве. Звучит солидно, почти научно. Базируется во Франции. И, что самое шокирующее, на протяжении многих лет щедро финансируется французским правительством. Эта организация объединяет антикультовые группы из десятков стран, и ее российским представителем, ее главной опорой на постсоветском пространстве была, разумеется, сеть Дворкина — РАЦИРС.

А сам Александр Дворкин, человек, которого в США призывали публично осудить за дезинформацию, а в европейском академическом сообществе высмеивали как шарлатана, с 2009 по 2021 год занимал пост... вице-президента FECRIS. Дополнительно есть сообщения, что до марта 2023 года он оставался членом правления.

Этот факт поражает. Давайте осознаем это еще раз. Главный идеолог и практик репрессий против свободы совести в России, человек, чьи методы уходят корнями в нацистскую Германию, на протяжении двенадцати лет был

одним из руководителей европейской зонтичной организации, существующей на деньги французских налогоплательщиков.

FECRIS стала для Дворкина международной «крышей». Она давала ему легитимность. Она предоставляла ему трибуну на международных площадках, таких как совещания ОБСЕ, где он, как мы помним, вел себя агрессивно и провокационно фотографируя правозащитников, и выбрасывая их доклады в мусор. Статус вице-президента FECRIS превращал хулигана и пропагандиста в «уважаемого европейского эксперта».

Но это было не просто использование европейской площадки. Это был симбиоз. Дворкин и его российская сеть были нужны FECRIS не меньше, чем она им. Почему? Потому что Россия была для европейских антикультистов витриной их успеха. Они могли указывать на Россию и говорить: «Смотрите, вот страна, которая всерьез борется с “сектами”! Вот как надо!» Российский опыт тотального подавления инакомыслия преподносился как образец для подражания.

Более того, российские члены FECRIS стали проводниками кремлевской внешней политики. Задолго до 2022 года они активно участвовали в информационной войне против Украины, называя украинское правительство «сектантским» и тем самым идеологически оправдывая будущую агрессию.

Более 80 украинских ученых еще в сентябре 2022 года обращались к президенту Франции Эммануэлю Макрону с призывом прекратить финансирование FECRIS, указывая на ее прямую связь с российской пропагандой. [30]

Реакция FECRIS была до смешного запоздалой и циничной. Лишь в марте 2023 года, спустя 13 месяцев после начала полномасштабного вторжения, под колоссальным давлением общественности федерация нехотя исключила свои российские ассоциации-члены. Казалось бы, история закончена. Но это был лишь фасад, попытка сохранить лицо и, главное, французское финансирование.

На самом деле связи никуда не делись. Как вскрыли журналисты *Bitter Winter* и *religactu.fr*, FECRIS просто перенаправила свои контакты через «запасной аэродром» — своих сербских членов. Эти люди, тесно связанные с Сербской православной церковью и, по некоторым данным, с сербскими

спецслужбами, стали новыми посредниками. И вот, 1 августа 2025 года, когда страсти, казалось бы, улеглись, в Белграде состоялась «неформальная и дружеская» встреча Александра Дворкина с представителями миссионерского отдела Сербской церкви, которые одновременно являются деятелями FECRIS. На встрече, согласно официальному пресс-релизу, обсуждались «возможности будущего сотрудничества». [31]

Троянский конь никуда не делся, он просто был перекрашен.

И все это подводит нас к главному парадоксу, к главной загадке, которую нам предстоит разгадать. Почему? Почему именно Франция, страна, подарившая миру девиз «Свобода, Равенство, Братство» и Декларацию прав человека, стала европейским домом и кошельком для этой международной сети ненависти? Почему французское государство, через свою межминистерскую миссию по борьбе с сектами (MIVILUDES), год за годом выделяло сотни тысяч, а в общей сложности — миллионы евро организациям, чьим вице-президентом был кремлевский пропагандист и гонитель свобод?

Что это? Невероятная слепота? Преступная халатность? Или нечто большее — сознательное соучастие?

Эти вопросы не риторические. Они уже стали предметом официального расследования во Франции. Правозащитная организация CAP LC (Координация ассоциаций и частных лиц за свободу совести) подала серию жалоб в Национальный финансовый прокурор Франции, обвинив MIVILUDES и верхушку французского антикультового движения в хищении государственных средств, злоупотреблении доверием и незаконном извлечении выгоды. Речь идет о том самом миллионе евро, который был выделен MIVILUDES на гранты в 2021 году и который, по мнению правозащитников, был распределен с вопиющими нарушениями и конфликтом интересов. [32]

Расследование начато. Маховик французского правосудия, хоть и медленно, но приходит в движение.

Глава 4. Французский парадокс

Я покинул выжженную землю России, оставив позади отзвуки человеческих трагедий, истории сломанных судеб и тихий, почти неслышный плач тех, кого раздавила безжалостная машина «сектоведения». Каждая встреча, каждый разговор, каждое прочитанное свидетельство оставляли на душе шрам, превращая мое журналистское расследование в личную, экзистенциальную миссию. Я видел, как работает эта машина ненависти, как ее молот пропаганды, скальпель «экспертиз» и кулак насилия методично уничтожают все живое, что не вписывается в узкие рамки предписанной «нормы». Я понял, как идеология, унаследованная от самых мрачных режимов XX века, обрела новую жизнь, обкатала свои смертоносные технологии на полигоне постсоветского пространства и приготовилась к экспансии. Но один вопрос продолжал сверлить мой мозг, не давая покоя ни днем, ни ночью. Это был самый простой и самый циничный вопрос в мире. Кто за все это платит?

Машина ненависти, как и любая другая, требует топлива. Бесконечные поездки Дворкина по регионам, издание многотысячными тиражами его клеветнических книг, работа десятков «информационно-консультационных центров» по всей стране, оплата услуг «экспертов», готовых подписать любой, самый абсурдный приговор, — все это стоит денег. Больших денег. Откуда они брались? Частично ответ был очевиден: поддержка со стороны Русской православной церкви, стремившейся зачистить поляну от конкурентов, и гранты от российских властей, заинтересованных в тотальном контроле над жизнью граждан. Об этом прямо говорилось в отчете Комиссии США по международной религиозной свободе (USCIRF), который стал для меня одним из первых ключей к пониманию масштаба происходящего. [2]

Но я чувствовал, что это лишь часть правды. Успех Дворкина и его сети в России был оглушительным, но их амбиции явно простирались дальше. Их деятельность явно не ограничивалась Россией. А для международной экспансии требовались не только рубли, но и твердая валюта. И, что еще важнее, — международная легитимность. Признание. Респектабельная вывеска, под

которой можно было бы скрыть истинное, уродливое лицо наследников инквизиции.

Поиски этой вывески привели меня в Париж. В самое сердце Европы. В страну, подарившую миру Декларацию прав человека и гражданина, страну, чей девиз «Свобода, Равенство, Братство» высечен на фронтонах всех правительственных зданий. Именно здесь, по злой иронии судьбы, располагалась штаб-квартира организации, ставшей для российской машины ненависти пропуском в цивилизованный мир. Эта организация — Европейская федерация центров исследований и информации о сектантстве.

Я помнил, как на конференции ОБСЕ в Варшаве, наблюдая за дикими выходками Дворкина, я узнал, что этот «абсолютный сумасшедший», как назвал его правозащитник Вилли Фотре, является никем иным, как вице-президентом FECRIS. Тогда это показалось мне каким-то недоразумением, абсурдной ошибкой. Но теперь, погружаясь в тему глубже, я начал понимать, что это была не ошибка. Это была система.

FECRIS, основанная в 1994 году французской антикультовой ассоциацией UNADFI, позиционировала себя как уважаемая зонтичная структура, объединяющая «борцов с сектами» по всей Европе. Она имела консультативный статус при Совете Европы и при ECOSOC ООН. И, что самое главное, она почти полностью существовала на деньги французских налогоплательщиков. Как отмечалось в том же отчете USCIRF, «французское правительство обеспечивает большую часть финансирования FECRIS». [2]

И вот здесь парадокс достигал своего апогея. Демократическая республика, оплот европейских свобод, из года в год вливала государственные средства в организацию, одним из руководителей которой на протяжении двенадцати лет (с 2009 по 2021 год) был Александр Дворкин. Человек, чьи методы были скопированы с практик нацистских теологов. Человек, чья деятельность привела к массовым репрессиям и пыткам в России. Человека, которого правительственная комиссия Соединенных Штатов Америки официально рекомендовала «публично осудить за продолжающуюся кампанию дезинформации».

Что это было? Невероятная, преступная слепота? Или нечто большее? Неужели в Париже не читали отчетов USCIRF? Неужели не слышали голосов десятков ученых и правозащитников, кричавших об опасности? Неужели не видели, что их европейская «респектабельная» структура стала троянским конем для идеологии, враждебной всему, что дорого Франции и Европе?

Чем глубже я погружался в эту тему, тем яснее понимал: дело не в слепоте. Важнейшая часть ответа лежит в финансово-институциональной плоскости. В циничном и хорошо отлаженном механизме освоения бюджетных средств, который и составлял суть «французского парадокса». История, которую мне удалось раскопать благодаря расследованиям французских журналистов и правозащитников, оказалась настолько грязной и скандальной, что превзошла все мои ожидания. Это была история о миллионе евро. О миллионе евро, выделенном на проекты в рамках французской антикультовой политики, ставшие предметом острого спора и жалоб.

Все началось в мае 2021 года. Межминистерская миссия по борьбе с сектантскими течениями (MIVILUDES) — главный государственный орган Франции, отвечающий за «борьбу с сектами» и курирующий деятельность таких ассоциаций, как UNADFI и FECRIS, — объявила о запуске беспрецедентной программы. Впервые в своей истории она инициировала «национальный конкурс проектов», на который был выделен целый миллион евро из государственного бюджета. Цель, как всегда, была заявлена самая благородная: «усилить борьбу с сектантскими девиациями». Ассоциациям было предложено подавать заявки, описывая свои проекты по «защите жертв» и «профилактике».

[32]

Для французского антикультового лобби это был настоящий золотой дождь. Деньги, которые раньше приходилось выбивать через сложные бюрократические процедуры, теперь полились рекой. В октябре того же года были объявлены победители. Десятки ассоциаций, большинство из которых были членами или партнерами UNADFI и FECRIS, получили щедрые гранты. Все выглядело пристойно и официально: пресс-конференции, красивые отчеты, обещания прозрачности.

Но за этим благопристойным фасадом скрывалась гниль. И нашелся человек, который не побоялся сунуть руку в это осиное гнездо. Его звали Тьерри Валле, президент правозащитной организации CAP LC (Координация ассоциаций и частных лиц за свободу совести). Эта небольшая, но упорная организация годами боролась за то, чтобы заставить французские власти соблюдать принцип государственного нейтралитета в вопросах религии. Валле и его коллеги прекрасно понимали, что под вывеской «борьбы с сектами» во Франции, как и в России, скрывается банальная дискриминация религиозных меньшинств. И миллионный грант от MIVILUDES показался им подозрительным с самого начала.

Используя свое право на доступ к административным документам, CAP LC начала методично запрашивать у MIVILUDES всю подноготную этого конкурса: списки кандидатов, протоколы заседаний комиссии, аналитические таблицы, служебную переписку. И тут же наткнулась на глухую стену. MIVILUDES, структура, которая по закону обязана быть прозрачной, начала изворачиваться, затягивать время, предоставлять документы не в полном объеме, а затем и вовсе, по оценке критиков, давать юридически несостоятельные и неполные ответы, утверждая, что все запрошенные материалы уже переданы. Но Валле был не из тех, кто сдается. Он обратился в Комиссию по доступу к административным документам (CADA), а затем и в административный суд, шаг за шагом пробивая брешь в стене круговой поруки. В мае 2025 года Парижский административный суд вынес два решения против MIVILUDES в спорах с CAPLC о доступе к документам и признал часть правовых позиций миссии ошибочными.

То, что ему удалось выяснить, когда он наконец получил часть документов, оказалось настоящей бомбой. Это был не просто случай неэффективного расходования бюджетных средств. Это была картина системной коррупции, конфликта интересов и, возможно, прямого хищения государственных денег. Тьерри Валле и его юристы собрали доказательства в три увесистые папки и летом 2023 года направили три жалобы в Национальный финансовый прокурор (PNF) Франции — специальный орган по борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти. [32]

Когда я читал эти жалобы и основанные на них журналистские расследования, у меня перед глазами вставала вся механика французского

парадокса. Миллион евро под подозрением — это была не метафора. Это была бухгалтерская ведомость.

Первой в списке обвиняемых шла UNADFI — основательница и «мать» всей FECRIS, главный столп французского антикультизма. Эта ассоциация получила самый жирный кусок пирога: 264 038 евро. На что? В заявке были перечислены самые благородные цели: проведение исследований, выпуск публикаций, усиление присутствия в интернете для помощи «жертвам». Но анализ финансовых документов, который удалось провести юристам CAP LC, показал тревожную картину. UNADFI на протяжении многих лет была хронически убыточной организацией. Ее годовой операционный дефицит колебался между 150 000 и 286 000 евро. И грант в 264 038 евро подозрительно точно соответствовал этой «дыре» в бюджете. [32]

Правозащитники выдвинули прямое обвинение: UNADFI использовала государственную субсидию не на заявленные проекты, а на банальное покрытие своего структурного дефицита. Проще говоря, на выплату зарплат и аренду офиса. Проекты, под которые были выделены деньги, по большей части так и остались на бумаге. Никаких отчетов о проведенных «расследованиях» или «вмешательствах в школах» представлено не было. Деньги налогоплательщиков, предназначенные для конкретной общественно полезной деятельности, попросту растворились в текущих расходах убыточной ассоциации. В жалобе в PNF это было квалифицировано как «хищение государственных средств» (*détournement de fonds publics*) и «злоупотребление доверием» (*abus de confiance*). [32]

В ответ на эти обвинения UNADFI опубликовала пресс-релиз, в котором заявила, что «подача жалобы не означает ни доказательства, ни виновности» и что всё это — действия «просектантских лобби». Знакомая песня, не правда ли? Точно так же Дворкин в России клеймил любого своего критика «пособником сект». Методы оказались интернациональными.

Но история с UNADFI была лишь началом. Дальше — больше.

Второй крупный получатель грантов — Центр против ментальных манипуляций (CCMM) и его региональные филиалы. Они получили в общей сложности 211 929 евро. И снова — на самые передовые проекты: создание

образовательных видеороликов, выпуск брошюр, запуск онлайн-платформы для психологической помощи. И снова, как показало расследование CAP LC, большинство этих проектов либо не были реализованы вовсе, либо были выполнены формально, с вопиющим несоответствием между заявленным и сделанным.

Например, на создание серии анимационных видеороликов «Кандид и Мариам» было выделено 36 629 евро. Ролики должны были быть готовы к январю 2022 года и опубликованы на YouTube. На момент подачи жалобы ни одного ролика на канале ССММ так и не появилось. 8 000 евро было выделено на создание «новой» брошюры, которая на проверку оказалась простой перепечаткой старого буклета, изданного ещё в 2011 году. На проведение «полевого исследования» было заложено 32 000 евро, но его публикация задержалась на полтора года, а позиция расходов «посредники» на 15 000 евро так и осталась необъяснённой. На создание образовательного онлайн-курса (МООС) с двенадцатью уроками и интерактивными тестами было потрачено 21 550 евро. В реальности курс состоял из восьми коротких видеолекций без каких-либо тестов. [32]

Но самой абсурдной оказалась история с «платформой психологической помощи». На ее работу была выделена круглая сумма. По отчетам, платформа приняла 230 звонков. Путем несложных подсчетов журналисты выяснили, что стоимость обработки одного звонка составила 145 евро! Это делало всю затею «экономически абсурдной». Деньги списывались, деятельность имитировалась.

Однако даже не это было самым скандальным в истории с ССММ. Расследование вскрыло вопиющий конфликт интересов. Оказалось, что президент ССММ, Франсис Озевиль, с весны 2021 года входил в состав... совета по ориентации (*conseil d'orientation*) при MIVILUDES. Того самого органа, который, по идее, должен был консультировать миссию по вопросам распределения грантов. То есть человек, чья ассоциация претендовала на крупный грант, одновременно сидел в совете, который принимал решение о его выделении. И он был не один такой. В том же совете заседала и Жозефина Сесброн, тогдашний президент UNADFI. Две главные антикультовые ассоциации, получившие в сумме почти полмиллиона евро, были возглавляемы людьми, которые сами же и участвовали в процессе принятия решений о

выделении этих денег. Юристы CAP LC квалифицировали это как «незаконное извлечение выгоды» (*prise illégale d'intérêts*) — серьезное уголовное преступление во Франции. [32]

Картина становилась все более уродливой. Это уже не было похоже на простую халатность. Это было похоже на сговор. На хорошо организованную схему, где «свои люди», расставленные на ключевых постах, обеспечивали финансовые потоки для «своих» организаций, имитируя бурную деятельность на деньги налогоплательщиков.

Но и это было еще не все. Третья жалоба, поданная CAP LC в январе 2024 года, вскрыла еще один, совершенно ошеломляющий пласт этого скандала. Оказалось, что MIVILUDES раздавала деньги не только «своим» некоммерческим ассоциациям. Она умудрилась выделить 112 540 евро коммерческим структурам, что было прямым и грубейшим нарушением правил самого конкурса, который предназначался исключительно для НКО.

Так, издательство комиксов «La Boîte à Bulles» получило 85 000 евро на переиздание книги «В секте». А некий видеограф, зарегистрированный как индивидуальный предприниматель, получил 27 540 евро на создание серии видео. Юристы пришли к выводу, что это были не гранты, а замаскированные государственные закупки (*marchés publics déguisés*). MIVILUDES просто оплатила услуги коммерческих подрядчиков, но сделала это в обход всех процедур, без объявления тендера и без какой-либо конкуренции. Просто отдала контракты тем, кому сочла нужным. [32]

Когда я сложил все эти факты воедино, у меня не осталось сомнений. Я смотрел не на частные случаи злоупотреблений. Я смотрел на систему. На отлаженную коррупционную экосистему, в которой государственный орган (MIVILUDES) и якобы общественные ассоциации (UNADFI, CCMM, и через них — вся FECRIS) срослись в единый организм. Организм, который питался деньгами налогоплательщиков, а на выходе производил ненависть, дискриминацию и подрыв фундаментальных свобод.

Французский парадокс перестал быть парадоксом. Он обрел свою уродливую логику. Критики французской антикультовой политики утверждают, что устойчивые институциональные связи между MIVILUDES и ключевыми

антикультовыми ассоциациями создали замкнутую систему, склонную к конфликтам интересов и самообслуживанию. Это была система, работающая на саму себя. И в этой системе нашлось место и для кремлевского пропагандиста Дворкина. Ведь он был частью той же международной тусовки, своим человеком, который помогал создавать видимость глобальной «борьбы с сектами» и тем самым оправдывать существование и финансирование всей этой структуры.

Дворкин и его российская сеть были для французских антикультистов не просто партнерами. Они были их алиби. Они были доказательством того, что «сектантская угроза» реальна и носит международный характер. А значит, на борьбу с ней нужно выделять все больше и больше денег. Круг замыкался. Российские рубли, выделяемые на подавление свобод в России, и французские евро, выделяемые на «борьбу с девиациями» в Европе, текли в сообщающиеся сосуды одной и той же международной сети ненависти.

Расследование Национального финансового прокурора Франции продолжается. Оно идет медленно, как и любое дело, затрагивающее интересы влиятельных людей и государственных структур. PNF уже затребовал все документы, связанные с распределением грантов, и, что самое серьезное, начал отдельное расследование по факту «подлога официальных документов» (*faux en écriture publique*) со стороны MIVILUDES, которая пыталась скрыть улики от правосудия. Если вина будет доказана, речь пойдет уже не о штрафах, а о тюремных сроках до 15 лет. [32]

Но каким бы ни был исход этого судебного процесса, мое расследование привело меня к неопровержимому выводу. Французский парадокс — это не просто история о деньгах. Это история о глубоком нравственном и политическом кризисе. О том, как легко демократическое государство может предать свои же собственные идеалы. О том, как под маской защиты прав человека можно построить машину для их уничтожения.

Тьерри Валле, президент CAP LC, человек, который вскрыл этот гнойник, сказал в интервью:

«Речь идёт не о нападках на борьбу с межконфессиональными злоупотреблениями, а о защите целостности государственной политики и

обеспечении реформирования того, что нуждается в реформировании. Расследование должно быть исчерпывающим». [32]

Я полностью разделяю его позицию. Моя цель — не очернить Францию. Моя цель — показать, какой страшный вирус поразил ее государственные институты. Вирус, который превращает защитников в гонителей, а борцов за свободу — в тюремщиков. Этот же вирус, как мы знаем, уже превратил Россию в пространство системного преследования инакомыслящих и религиозных меньшинств.

И теперь, когда мы понимаем, как эта система финансируется, мы должны задаться следующим вопросом. Что происходит, когда эта щедро оплаченная машина ненависти сталкивается с реальным, а не вымышленным злом? Что происходит, когда начинается настоящая война? Как повели себя эти «борцы за добро», когда российские танки вошли в Украину? Ответ на этот вопрос окончательно сорвет с них все маски и покажет, кому на самом деле они служат. И этот ответ станет темой нашей следующей главы. История о том, как «антикультисты» поддержали войну, ждет своего часа.

Глава 5. Сломанные судьбы: человеческая цена «борьбы с сектами»

Я выхожу из лабиринта финансовых отчетов, из мира, где зло имеет цену, выраженную в евро, где коррупция и конфликт интересов аккуратно задокументированы в жалобах, поданных в Национальный финансовый прокурор Франции. Это был мир понятной, хоть и отвратительной, логики. Мир, где человеческая подлость раскладывается на дебет и кредит. Я думал, что, вскрыв этот гнойник, я увидел самое дно. Я ошибался. То было лишь преддверие ада. Настоящий ад — это место, где у страдания нет цены, потому что оно

бесценно. Место, где на одной чаше весов лежат миллионные гранты и политические амбиции, а на другой — одна-единственная слеза ребенка, у которого на глазах уводят в наручниках мать. И эта слеза всегда перевешивает.

У любой войны, даже у гибридной, информационной, духовной, есть реальная, человеческая цена. И эта цена — не деньги. Эта цена — сломанные судьбы.

Теперь, когда мы знаем, *как* работает эта машина, мы должны осмелиться посмотреть в лицо тем, кого она перемалывает. Мы должны спуститься с высоты геополитического анализа в холодные камеры следственных изоляторов, в разгромленные спецназом квартиры, в пустые детские комнаты, где по ночам плачут дети, разлученные с родителями. Мы должны отложить в сторону сухие формулировки законов и отчетов и услышать живые голоса. Голоса боли, отчаяния, но иногда — и невероятного, непостижимого мужества.

Эта глава — не об абстрактных «нарушениях прав человека». Это реквием. Реквием по тысячам судеб, искалеченных во имя «духовной безопасности» и «защиты традиционных ценностей». Это попытка назвать по имени тех, кого безликая система превратила в статистику. И это попытка заставить каждого из нас, жителей уютного, пока еще свободного мира, задать себе один простой вопрос: сколько еще таких судеб должно быть сломано, прежде чем мы поймем, что эта война ведется не против мифических «сект», а против каждого из нас? Против самой возможности быть свободным человеком.

Я помню, как в самом начале этого пути, после того странного случая в Варшаве, я наткнулся на уничтожающую характеристику, данную Дворкину основателем Института религии и общественной политики Джозефом Грибоски. Он назвал его деятельность «безумной», а самого Дворкина — «злым, безумным человеком».

«Честно говоря, я думаю, единственный термин, который я мог бы использовать для описания деятельности Александра Дворкина, — это безумие... У Дворкина нет образования, нет опыта, нет оснований для его тирад. Это просто бредни злого, безумного человека». [4]

Тогда эти слова показались мне слишком резкими, слишком эмоциональными для политического анализа. Сегодня, пройдя часть этого пути,

я понимаю, что подобные оценки рождались не на пустом месте. Потому что только безумие, злое и холодное, могло породить ту бездну человеческого страдания, в которую мы сейчас заглянем. И наша задача — не сойти с ума от увиденного. Наша задача — запомнить. И рассказать другим. Потому что единственное, что может остановить это безумие, — это память и правда.

Голгофа кротких: как антикультовая сеть объявила войну Библии

В истории человечества есть сюжеты, которые повторяются с удручающей регулярностью, словно дурной сон, от которого невозможно проснуться. Один из таких сюжетов — гонения на Свидетелей Иеговы. Эта небольшая, но всемирно распространенная христианская деноминация, кажется, была создана для того, чтобы служить вечным индикатором здоровья или болезни общества. Их пацифизм, их отказ брать в руки оружие и участвовать в политике, их скрупулезное следование библейским заповедям, как они их понимают, — все это делает их идеальной мишенью для любого тоталитарного режима. Они не отвечают насилием на насилие. Они не создают подпольных боевых ячеек. Они просто отказываются подчиняться тому, что противоречит их совести. И именно этот тихий, негибимый отказ приводит в ярость любую власть, претендующую на тотальный контроль над душами своих подданных.

Так было в нацистской Германии, где тысячи Свидетелей Иеговы были брошены в концлагеря и замучены за отказ произносить «Хайль Гитлер!» и служить в вермахте. Так было в Советском Союзе, где их тысячами отправляли в Сибирь как «антисоветский элемент». Казалось, после падения Рейха и распада СССР этот кошмар должен был навсегда остаться в учебниках истории, как страшное предостережение. Но история, как известно, любит повторяться.

20 апреля 2017 года. Этот день войдет в историю России как день резкого и символического перелома в сфере свободы совести. В этот день Верховный суд Российской Федерации, по иску Министерства юстиции, признал «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» и все его 395 региональных отделений «экстремистской организацией», запретил их деятельность и постановил конфисковать их имущество в пользу государства. [2]

Это решение было не просто юридическим актом. Это была отмашка. Это был сигнал, спущенный с самого верха всем силовикам, всем прокурорам, всем судьям по всей огромной стране: начать масштабное преследование. На сотни тысяч мирных, законопослушных граждан, чья единственная «вина» заключалась в том, что они читали Библию и собирались вместе для молитвы, была объявлена охота.

Чтобы понять весь абсурд и всю подлость этого решения, нужно вспомнить, кто стоял за его идеологической подготовкой. Имя этого человека мы уже знаем — Александр Дворкин. Именно он, как мы помним из отчета USCIRF, был одним из главных многолетних лоббистов жестких мер против Свидетелей Иеговы. Именно он в своих бесчисленных интервью и лекциях демонизировал Свидетелей, превращая их из мирных верующих в опасных врагов государства. Он обвинял их в «шпионаже», в «разрушении семей», в доведении людей до самоубийства. В одном из своих интервью государственным СМИ сразу после запрета он с удовлетворением заявил, что группа поддерживает «строгий контроль над каждым аспектом жизни своих членов, включая даже самые интимные моменты их семейной жизни, поскольку супруги должны доносить друг на друга» [2]

То, что началось после 20 апреля 2017 года, нельзя назвать иначе как общенациональной кампанией преследования, санкционированным государством. Представьте себе раннее утро в обычном российском городе. Белгород, Сургут, Оренбург, Владивосток — география репрессий охватила всю страну. Тишину спального района разрывает грохот выбиваемой двери. В квартиру, где спит обычная семья — муж, жена, может быть, дети или пожилые родители, — врываются люди в черных масках, с автоматами наперевес. Это не кино, это реальность для сотен семей Свидетелей Иеговы.

Их бросают на пол, заковывают в наручники. Начинается обыск. Ищут оружие? Наркотики? Планы терактов? Нет. Ищут «экстремистскую литературу». В эту категорию попадает все: Библия в их переводе, религиозные журналы «Сторожевая башня» и «Пробудитесь!», песенники, личные дневники. Любое печатное слово, свидетельствующее об их вере, становится уликой. Их вера становится преступлением.

Людей увозят в следственные изоляторы. Начинаются допросы. И здесь, в этих тихих кабинетах, вдали от камер и правозащитников, происходит самое страшное. Мир облетели свидетельства о пытках Свидетелей Иеговы в Сургуте в феврале 2019 года. Несколько задержанных верующих рассказали, что *«сотрудники правоохранительных органов надели им на голову пакет, заклеили его скотчем, связали руки за спиной и начали избивать. Раздели Свидетелей догола и облили их водой, а затем пытали их электрошокерами. Эта садистская пытка продолжалась около двух часов»*. [33]

Это были не просто эксцессы исполнителей. Это была система. Система, направленная на то, чтобы сломить волю, унижить человеческое достоинство, заставить людей отречься от своей веры и оговорить своих братьев.

По данным Свидетелей Иеговы, по состоянию на конец 2024 года после запрета их деятельности в России было проведено более 2000 обысков в домах верующих, более 800 человек привлечены к уголовной ответственности по обвинению в «экстремизме», а сотни верующих прошли через тюрьмы и колонии (включая 186 человек в заключении на конец года). [34]

Вот лишь несколько историй, собранных правозащитниками. История Денниса Кристенсена, гражданина Дании, который много лет жил в Орле и был старейшиной в местной общине. В мае 2017 года его арестовали прямо во время богослужения. Его «преступление» заключалось в том, что он «организовывал деятельность экстремистской организации»: арендовал помещение, следил за его чистотой, приглашал людей на встречи. Его приговорили к шести годам колонии. Шесть лет жизни, отобранные у человека за то, что он организовывал мирные религиозные собрания.[35]

Вот история пожилого мужчины из Приморья. В 2018 году 77-летнего Владимира Филиппова обвинили в том, что он продолжал исповедовать свою веру после запрета. Прокуратура требовала для Филиппова 6,5 лет лишения свободы, обвиняя его в участии в деятельности «экстремистской организации». По итогу пенсионер был приговорен к шести годам условного заключения по обвинению в экстремизме. [36]

Вот история Константина Баженова, Алексея Буденчука, Феликса Махаммадиева и еще троих верующих из Саратова. В 2019 году их приговорили

к реальным срокам от двух до трех с половиной лет колонии. По прибытии в Оренбургскую колонию пятеро из шести осуждённых были избиты сотрудниками учреждения. Махаммадиев был госпитализирован, остальные на время помещены в карцер. Саратовские узники совести освоили в местах лишения свободы различные профессии. В мае 2020 года Махаммадиев и Баженов были лишены российского гражданства и после освобождения депортированы из России. [37]

И таких историй — сотни. В каждом регионе, в каждом городе. Молодые и старые, мужчины и женщины. Люди разных профессий: строители, врачи, учителя, инженеры. Обычные граждане, которые в одночасье превратились во «врагов государства».

Что лежало в основе этих обвинений? Где был тот самый «экстремизм»? Следствие и суд даже не пытались доказать, что верующие призывали к насилию, свержению власти или чему-то подобному. Это было невозможно, поскольку это прямо противоречит основам их вероучения. Вся логика обвинения строилась на извращенной, кафкианской конструкции. Поскольку в 2017 году Верховный суд признал организацию «экстремистской», то любое действие, связанное с ней, — будь то молитва, чтение литературы или пожертвование, — автоматически становилось «участием в деятельности экстремистской организации».

Это был юридический нонсенс, правовая черная дыра. Людей судили не за насилие, а за идентичность. За их веру. Это и есть самая суть религиозных преследований, в какой бы юридический камуфляж они ни рядились.

Идеологическим топливом для этой машины служила непрекращающаяся кампания ненависти, которую вели Дворкин и его сеть. Они создавали информационный фон, на котором любая жестокость по отношению к Свидетелям Иеговы казалась оправданной. В одном из интервью Дворкин сравнил их с наркодилерами. В другом — назвал их «раковой опухолью». В третьем, как мы помним, — шпионами и предателями.

Эта риторика имела вполне конкретные, материальные последствия. Она не только давала силовикам моральное право на насилие, но и заражала ненавистью общество. Мы уже упоминали случай в Приморском крае, где после

лекции Дворкина были выбиты окна в молитвенных домах протестантов. Можно только догадываться, сколько подобных, но не попавших в прессу инцидентов произошло по всей стране со Свидетелями Иеговы. Сколько раз им отказывали в работе, сколько раз их детей травили в школах, сколько раз соседи писали на них доносы, наслушавшись «разоблачений» по телевизору.

Машина работала безотказно. Пропаганда демонизировала. «Экспертизы», написанные подручными Дворкина, давали юридический фон. Силовики сажали и пытали. Суды выносили обвинительные приговоры. А общество либо аплодировало, либо равнодушно молчало.

Один из российских правозащитных ресурсов, анализируя происходящее, пришел к страшному выводу, который я уже цитировал, но который стоит повторить еще и еще раз, как заклинание против беспамятства:

«Нация, которая когда-то победила нацизм, теперь под влиянием Дворкина нацифицируется агентурной сетью RACIRS». [38]

Нацификация. Страшное слово. Но, глядя на то, что сделали со Свидетелями Иеговы в России, трудно подобрать другое. Отнять у людей право на веру, объявить их «неполноценными», «опасными», «врагами», а затем, на основании этого, лишить их имущества, свободы, а иногда и жизни.

Когда я думаю о пострадавших людях я не могу отделаться от одного образа. Образа Голгофы. Места, где кротких и безответных распинают во имя порядка и стабильности. Свидетели Иеговы в России XXI века взошли на свою Голгофу. Их распинали на кресте из двух перекладин: лживой пропаганды и сфабрикованных уголовных дел. И у подножия этого креста стоял он, Александр Дворкин, с удовлетворением взирая на дело рук своих. Он победил. Он доказал государству свою полезность. Цена этой победы? Тысячи искалеченных жизней. Но для него, как и для его предшественников из гестаповских кабинетов, эти люди были не более чем расходным материалом. «Раковыми клетками», подлежащими удалению.

И самое ужасное в этой истории то, что она не закончена. Она продолжается прямо сейчас, в эту самую минуту, пока вы читаете эти строки. Где-то в России очередной спецназовец выбивает очередную дверь. Очередной следователь применяет электрошокер к очередному «экстремисту». Очередной

судья в мантии зачитывает очередной обвинительный приговор. Конвейер работает. Машина ненависти требует новых жертв. А ее главный конструктор продолжает читать лекции, давать интервью и заседать в экспертных советах, пожиная плоды своей кровавой жатвы.

Костер для «Бхагавад-гиты»: война с культурой и здравым смыслом

Если история преследования Свидетелей Иеговы — это трагедия в ее классическом виде, то атака антикультовой сети на последователей индуизма и их священные тексты — это история, которая обнажает не только жестокость, но и феноменальное невежество «охотников на ведьм». Это история о том, как люди, возомнившие себя защитниками духовности, объявили войну одному из древнейших и известнейших текстов мировой философской традиции. Это история о попытке объявить экстремистской книгу «Бхагавад-гита как она есть».

Для образованного человека «Бхагавад-гита» — это не просто книга. Это один из ключевых текстов индийской философско-религиозной традиции и часть «Махабхараты». Она действительно оказала большое влияние на многих мыслителей, а для миллионов индуистов является священным писанием.

Но для представителей антикультовой сети «Бхагавад-гита» оказалась ничем иным, как «экстремистским материалом».

Эта история началась в 2011 году в Томске. Местная прокуратура обратилась в суд с требованием признать экстремистской книгу «Бхагавад-гита как она есть» — не сам древний текст как таковой, а его комментированный перевод и издание с комментариями А.Ч. Бхактиведанты Свами Прабхупады, основателя ИСККОН. Именно комментарии, по мнению прокуратуры и экспертов, содержали признаки возбуждения религиозной ненависти и пропаганды исключительности. Это описание соответствует ходу дела, широко освещенному в России и Индии.

Основанием для иска послужило «экспертное заключение», подготовленное специалистами из Томского государственного университета.

Когда текст этого «заключения» стал достоянием гласности, научное сообщество испытало шок. Это был не анализ, а сборник невежественных и предвзятых штампов. Авторы «экспертизы» демонстрировали полное непонимание не только индуизма, но и основ религиоведения как науки. Они вырывали цитаты из контекста и приписывали тексту смыслы, которых в нем не было, часто опираясь на статьи антикультистов размещенные на их же антисектантских сайтах.

Дело вызвало огромный международный резонанс. Парламент Индии обсуждал этот процесс; индийские политики, дипломаты и медиа воспринимали его как оскорбление священного текста. Скандал грозил осложнить российско-индийские отношения. В декабре 2011 года суд в Томске отказал в иске, а затем апелляция подтвердила отказ.

Но сам факт этой попытки, сама возможность того, что в XXI веке в стране с великой культурной традицией прокурор может прийти в суд и потребовать запрета одного из ключевых текстов мировой философии, говорит о многом. Он говорит о той степени интеллектуальной и нравственной деградации, до которой довела российское общество деятельность антикультовой сети. Ведь прокурор не сам это придумал. Ему «подказали». Ему принесли «экспертное заключение». Ему создали информационный фон, на котором кришнаиты — это не последователи древней религии, а опасные «сектанты», чьи книги необходимо запретить.

Эта история — не единичный случай. Это лишь самый яркий эпизод в многолетней войне, которую Дворкин и его сеть вели против последователей Сознания Кришны в России. Их клеймили, их обвиняли во всех смертных грехах, их называли «деструктивным культом», их мирную проповедническую деятельность и раздачу вегетарианской пищи (*прасада*) представляли как коварные методы «вербовки».

Риторика Дворкина в отношении кришнаитов была полна презрения и откровенной ксенофобии. Он высмеивал их внешний вид (бритые головы, шафрановые одежды), их песнопения, их философию. Он не пытался понять. Он стремился унижить и уничтожить. Вспомним анализ Марата Штерина из

Лондонской школы экономики, который уличил Дворкина в распространении откровенной лжи о кришнаитах:

«Дворкин утверждает, что Харе Кришна строят свою “империю в пищевой и фармацевтической промышленности”. Это просто неправда, если только дюжину киосков, пару ресторанов и пару десятков людей, частным образом практикующих аюрведическую медицину, можно назвать “промышленными империями” ...» — Марат Штерин. [39]

Ложь, преувеличение, создание образа могущественного и зловещего врага из небольшой группы мирных верующих — это фирменный стиль Дворкина. Но иногда, когда пропагандистский запал перехлестывает через край, маска «профессора» и «исследователя» слетает, и наружу прорывается его истинная сущность — сущность агрессивного полемиста.

История, которую рассказал в интервью кришнаит Сергей Косенко, — это свидетельство такого столкновения. Как мы уже упоминали, 1 мая в переходе между станциями «Кузнецкий мост» и «Лубянка» произошло столкновение, которое Косенко описал как прямое проявление фанатизма.

Косенко, как и многие кришнаиты, занимался распространением книг. В руках у него была стопка экземпляров «Науки самоосознания». В его пересказе, Дворкин подбежал к нему, схватил за руки и рюкзак и начал выкрикивать оскорбления в адрес Прабхупады. Позднее, по словам Косенко, Дворкин выхватил одну из книг и разорвал ее пополам.

Этот образ — человек с «горящими глазами», рвущий в клочья священную для другого книгу в подземном переходе, — это квинтэссенция всего антикультового движения. Это его истинное лицо, лишённое наукообразной риторики и респектабельных масок. Это чистая, незамутнённая ненависть. Ненависть к другому, к чужому, к непонятному. Ненависть, которая не ищет диалога, а жаждет уничтожения.

А вот психологический вывод, который делает сам Сергей Косенко — уже в новом контексте, как анализ уже известного эпизода:

«Наверное, ему надо было самого себя убедить в своей правоте. Таким образом, каждый фанатик обычно убеждает себя в своей правоте, укрепляет

себя. Сначала он хватается книгу, а потом может и нож взять в руки для того, чтобы убить во имя своей веры, то есть он уже по существу не контролирует себя».

«...проявление агрессии – это вообще не религия. У Дворкина – воспалённое сознание, поэтому он и кидается на всех людей». [29]

«Воспаленное сознание». Эта метафора удивительно перекликается с характеристиками, которые давали Дворкину другие эксперты. Слишком много дыма, чтобы не предположить наличие огня. Слишком много людей, не сговариваясь, указывают на одну и ту же патологию.

История с «Бхагавад-гитой» и личная стычка с Косенко — это не просто курьезы. Это важные эпизоды, которые вскрывают еще один, более глубокий пласт деятельности антикультурной сети. Это не только война против людей. Это война против культуры. Против знания. Против самой идеи о том, что истина может быть многообразной.

Для Дворкина и его адептов весь богатейший духовный опыт человечества, накопленный за тысячелетия, не представляет никакой ценности. Все, что не вписывается в их черно-белый мир, подлежит осмеянию, стигматизации и вытеснению. Они готовы объявить экстремистским издание одного из ключевых текстов мировой религиозной традиции. Они готовы рвать в переходе труды, которые изменили жизнь тысяч людей. Они ведут себя не как защитники культуры, а как ее разрушители.

В этом их родство с любым тоталитарным режимом. Тоталитаризм всегда начинается с войны против книг, идей и независимой мысли. С объявления целых пластов культуры «вредными», «дегенеративными», «опасными». Потому что культура учит сложности, многообразию, критическому мышлению. А тоталитаризму нужны простые ответы, однообразие и слепая вера.

Именно поэтому борьба с антикультизмом — это не только борьба за права верующих. Это борьба за право человечества на свое культурное наследие. За право читать «Бхагавад-гиту» и диалоги Платона. За право думать, сомневаться, искать. За право быть сложнее, чем примитивная черно-белая схема, которую пытаются навязать нам наследники инквизиции.

Порванная в московском переходе книга — это символ. Это символ того, что они хотят сделать со всем нашим миром. Разорвать на клочки все, что им непонятно и чуждо. Превратить пеструю мозаику человеческой культуры в серую, унылую пустыню.

И когда я смотрю на эту картину, я понимаю, что самая большая трагедия — это не только сломанные судьбы отдельных людей. Самая большая трагедия — это попытка сломать саму душу цивилизации. Попытка устроить всемирный костер для книг и идей. И наш долг — не дать этому костру разгореться.

Мишень — свобода мысли: удар по правозащитникам

По мере того, как мое расследование продвигалось, я все яснее видел, что аппетиты антикультовой сети не ограничиваются религиозными меньшинствами. Да, Свидетели Иеговы и кришнаиты были удобными, беззащитными мишенями, на которых можно было отработать технологию репрессий и продемонстрировать свою полезность власти. Но истинная цель всегда была шире. Конечной мишенью машины ненависти было не то или иное вероучение. Конечной мишенью была сама свобода. Свобода мыслить, свобода говорить, свобода объединяться. А носителем этой свободы в любом несвободном обществе являются правозащитники.

Именно поэтому удар по старейшей в России правозащитной организации — Московской Хельсинкской группе (МХГ) — был не случайностью, а абсолютно логичным и предсказуемым шагом в эволюции дворкинской сети. Это был момент истины, когда маска «борца за чистоту веры» была окончательно сброшена, и под ней обнаружилось лицо человека, готового атаковать любое проявление гражданской независимости.

На протяжении десятилетий МХГ была символом нестигаемого мужества, голосом тех, кого режим пытался заставить замолчать. И вот этот моральный столп, этот символ сопротивления тирании, становится мишенью для Александра Дворкина.

Что мог инкриминировать «главный сектовед» правозащитникам? Что они тоже «тоталитарная секта»? Это было бы слишком абсурдно даже для него. Нет,

Дворкин избрал другую тактику, характерную для клеветнических кампаний: решил связать МХГ со своей другой излюбленной мишенью — сайентологами.

В одном из своих публичных выступлений Дворкин заявил, что Московская Хельсинкская группа постоянно поддерживает все секты и состоит на жалованье у саентологии. [24]

Это был классический удар клеветой. Обвинение было построено так, чтобы дискредитировать правозащитников в глазах консервативной публики и одновременно бросить тень на самих сайентологов.

Это была наглая, циничная и абсолютно бездоказательная ложь. Но она была рассчитана не на суд, а на публику. На создание информационного шума, на то, чтобы в очередной раз смешать правду с грязью и заставить людей сомневаться во всем и не верить никому.

Но на этот раз Дворкин просчитался. Он напал не на беззащитную группу верующих, а на организацию с безупречной репутацией и первоклассными юристами. Московская Хельсинкская группа и ее тогдашний председатель, легендарная Людмила Алексеева, не стали молча утираться. Они подали в суд по делу о защите чести и достоинства.

Это был беспрецедентный процесс. Старейшая правозащитная организация страны судилась с главным публичным «экспертом» по религиям.

Процесс, проходивший в 2007 году в Останкинском суде Москвы, стал заметным примером того, что закон иногда еще мог сработать. Юристы МХГ потребовали от Дворкина доказательств: где документы, где финансовые следы, где подтверждение его слов?

Разумеется, никаких доказательств у Дворкина не было и быть не могло. Вся его защита строилась на демагогии и попытках перевести юридический спор в плоскость идеологического противостояния. Он утверждал, что Московская Хельсинкская группа «объективно» действует в интересах «сект», поскольку защищает их права. Однако суд требовал не идеологических оценок, а фактов — а фактов не было.

В 2007 году суд Москвы признал высказывания Александра Дворкина в адрес МХГ не соответствующими действительности и порочащими её деловую

репутацию, обязав его публично опровергнуть их и выплатить компенсацию морального вреда. Однако в декабре того же года Московский городской суд отменил это решение по процессуальным основаниям и направил дело на новое рассмотрение. Таким образом, решение первой инстанции утратило юридическую силу, хотя суть конфликта и позиции сторон остались неизменными.

Этот эпизод стал символическим примером того, как в российской правоприменительной практике правозащитные организации, даже одержав формальную победу, часто сталкиваются с невозможностью её закрепить юридически. [40], [41]

Дворкин продолжил свою деятельность, и его влияние только росло. А вот судьба Московской Хельсинкской группы оказалась трагичной. Спустя годы непрерывного давления, получив статус «иностранного агента», эта правозащитная организация была вынуждена самоликвидироваться в 2023 году, чтобы не дать властям повода для ее принудительного закрытия.

Почему я так подробно останавливаюсь на этой, казалось бы, частной истории? Потому что она имеет огромное, принципиальное значение для понимания всей природы антикультового движения.

Во-первых, она окончательно доказывает, что истинная цель этой сети — не только борьба с «опасными культами», а уничтожение любого независимого гражданского общества. Религиозные группы были лишь первым, самым уязвимым эшелоном. За ними неизбежно должны были последовать правозащитники, независимые СМИ, оппозиционные политики — все, кто осмеливается иметь собственное мнение. Нападая на МХГ, Дворкин четко обозначил своего настоящего врага. И этот враг — открытое общество, построенное на принципах Всеобщей декларации прав человека.

Во-вторых, эта история наглядно демонстрирует методы, которыми действует эта сеть. Когда она сталкивается с беззащитными жертвами, она использует грубую силу — обыски, аресты, сфабрикованные дела. Когда же ей противостоит сильный, юридически подкованный оппонент, она прибегает к клевете, лжи и демагогии. У нее нет честных аргументов. Ее единственный ресурс — это ненависть и ложь.

И в-третьих, эта история показывает, насколько глубоко антикультовая идеология смыкается с реакционными силами государства. Атакуя МХГ, Дворкин действовал в унисон с общей пропагандистской логикой, которая уже тогда лепила из правозащитников образ «пятой колонны».

Когда я размышляю об этой истории, мне на ум приходит еще одна цитата из комментариев российских экспертов. Правозащитник Лев Левинсон гениально вскрыл здесь еще один аспект механики ненависти: она не просто атакует «чужих», она отравляет и разрушает и «своих». Она спекулирует на любви и страхе родителей за своих детей, раздувает этот страх до вселенских масштабов, а затем использует его как таран для разрушения не только «сект», но и самих семей, внося в них раскол, недоверие и вражду.

И когда эта технология, отточенная на семейных трагедиях, переносится на уровень общества, происходит то же самое. Антикультовая сеть не защищает общество. Она разрушает его, разрывая социальные связи, сея взаимное недоверие, уничтожая институты, которые служат его опорой, — такие как независимые суды, свободная пресса и правозащитные организации.

Атака на Московскую Хельсинкскую группу была репетицией. Генеральной репетицией перед большой войной против всего инакомыслия. Сегодня, когда в России почти не осталось крупных независимых правозащитных организаций, а тюрьмы полны политических и религиозных заключенных, можно с уверенностью сказать: Дворкин и его сеть были частью этого процесса, его идеологическим авангардом.

Именно поэтому их деятельность так опасна не только для России. Этот опыт, этот инструментарий по уничтожению гражданского общества — один из самых востребованных экспортных товаров любого авторитарного режима. И, как мы уже знаем, этот товар давно поставляется в Европу через FECRIS и связанные с ней структуры.

Защищая свободу совести Свидетелей Иеговы или кришнаитов, Московская Хельсинкская группа защищала не только их вероучение. Она защищала фундаментальный принцип, без которого не может существовать свободное общество: право человека быть другим. Право, которое Декларация прав человека провозгласила неотъемлемым.

Нападая на МХГ, Дворкин атаковал этот принцип. Он атаковал саму идею прав человека. И в этом смысле его судебное столкновение с МХГ — не просто личный эпизод, а символ. Символ того, что его деятельность несовместима с правом, свободой и человеческим достоинством. И наш долг — донести эту простую истину до тех в Европе, кто до сих пор считает его и его союзников «партнерами» и «защитниками общества». Потому что завтра, после религиозных меньшинств, приходят за правозащитниками. А потом — за всеми, кто осмеливается мыслить свободно.

Глава 6. Будущее свободы: последний рубеж обороны

Мы подошли, возможно, к самой важной части. Мы увидели, как работает эта машина. Мы услышали вердикт экспертов. Мы оценили глобальный масштаб угрозы.

Первое, что мы должны осознать: эта информационная война — не про религию. Это не спор между православием и протестантизмом, между христианством и индуизмом. Это фундаментальный, цивилизационный конфликт между двумя моделями мира. Миром, основанным на принципах Всеобщей декларации прав человека, где достоинство и свобода личности являются высшей ценностью. И миром, где государство или любая другая коллективная сущность (нация, церковь, партия) имеет право диктовать личности, как ей жить, во что верить и что думать.

Антикультовое движение, возглавляемое Дворкиным и представленное в Европе FECRIS, — это один из инструментов этого второго мира, современная гибридная форма авторитарного контроля над убеждениями. Они используют язык прав человека, чтобы уничтожать права человека. Они говорят о «защите жертв», но сами создают тысячи жертв. Они называют себя

«исследовательскими центрами», но занимаются пропагандой и стигматизацией.

Второе. Мы не можем больше позволить себе наивность. Мы не можем закрывать глаза на то, что под вывеской «общественных организаций» в наших странах могут действовать структуры, тесно связанные с идеологией и практиками враждебных режимов. История с финансированием FECRIS во Франции — это серьезный урок. Демократия должна научиться защищаться, не предавая при этом своих собственных принципов. Прекращение государственного финансирования организаций, уличенных в сотрудничестве с пропагандистами войны и пособниками диктатур, — это не ограничение свободы слова. Это элементарная институциональная гигиена и акт самосохранения. USCIRF прямо рекомендовала противодействовать пропаганде антикультовой сети.

Третье. Голоса Кассандр должны быть услышаны. Критика со стороны академического сообщества, доклады правозащитных организаций, таких как USCIRF или «Права человека без границ», расследования независимых журналистов из *Bitter Winter* или *Religactu* — все это должно стать основой для политических решений. Мы не можем больше позволить, чтобы мнения профессионалов тонули в бюрократическом болоте или игнорировались из-за политической конъюнктуры.

И, наконец, четвертое и самое главное. Эта битва не будет выиграна только в парламентах или судах. Она будет выиграна или проиграна в сознании каждого из нас. Последний рубеж обороны против информационной войны — это критическое мышление. Это способность отличать факты от пропаганды, анализ от демагогии. Это иммунитет к языку ненависти. Это простая человеческая эмпатия, которая не позволяет нам видеть в человеке с другими убеждениями «раковую клетку», которую нужно уничтожить.

История Дворкина и его сети — это история о том, как легко можно скатиться в варварство, прикрываясь самыми благородными лозунгами. Это напоминание о том, как хрупка наша свобода и как постоянно ее нужно защищать.

Наследие Нюрнберга — это не просто исторический факт. Это моральное обязательство. Обязательство не допустить повторения. Никогда больше не делить людей на сорта. Никогда больше не позволять, чтобы слова ненависти становились прелюдией к массовому преследованию и геноциду.

Информационная война, которую ведет против нас международная антикультовая сеть, — это покушение на это наследие. Это попытка размыть уроки Нюрнберга и нормализовать язык, который исторически вел к преследованию и расчеловечиванию. И наш ответ может быть только один: мы не позволим. Мы будем говорить правду. Мы будем называть зло его собственным именем. Мы будем защищать право каждого человека на свободу совести. Потому что в этом и заключается будущее свободы. И оно зависит от нас. От каждого из нас. Прямо здесь и прямо сейчас.

Глава 7. Призыв к бдительности

Мы подошли к концу долгого и часто темного пути. Пути, который начался для меня с абсурдной сцены в варшавском зале — с человека, с яростью фанатика, выбрасывающего в мусор доклады правозащитников, — и провел нас через пыльные архивы Третьего рейха, по выжженной земле современной России и в лицемерно-респектабельные кабинеты европейских столиц. Мы спускались в ад человеческих трагедий, слушая тихие голоса тех, кого перемолола безжалостная машина ненависти. Мы всматривались в холодный блеск цифр в финансовых отчетах, где за каждым евро, выделенным на «борьбу с сектами», стояли чья-то боль, чей-то страх, чья-то сломанная жизнь. Мы распутали этот клубок, нить за нитью, и теперь, когда все его уродливые узлы обнажены, мы должны осмелиться взглянуть на картину в целом. Мы должны понять, что мы увидели, и решить, что мы будем с этим делать.

Эта книга была моим расследованием, но я надеюсь, она стала и вашим открытием. Вместе мы проследили, некоторые практики европейского антикультового активизма XX века нашли новое воплощение в деятельности

Александра Дворкина. Мы увидели, как долгая традиция стигматизации религиозных меньшинств нашла влиятельного проводника на постсоветском пространстве. Он не изобрел ничего нового. Он лишь взял старые, проверенные нацистским режимом лекала — составление «черных списков», дегуманизирующую риторику о «раковых клетках» и тесное сотрудничество с репрессивным аппаратом государства — и с эффективностью применил их к реалиям новой России.

Мы стали свидетелями того, как созданное им универсальное пугало — термин «тоталитарная секта» — стало идеологическим оружием широкого подавления. Как под его ударами рушились судьбы, как мирные граждане, единственная вина которых заключалась в инакомыслии, превращались в «экстремистов», «шпионов» и «врагов народа». Мы слышали предсмертный хрип свободы совести в России, задушенной «экспертизами» и сфабрикованными уголовными делами. Мы видели Голгофу российских Свидетелей Иеговы, которых пытали электрошоком за чтение Библии. Мы смотрели, как рвут в клочья священную «Бхагавад-гиту» и как объявляют вне закона старейшую правозащитную организацию страны. Мы видели, как некогда живое и многообразное духовное поле России превращается в выжженную пустыню, где разрешено расти лишь одному мировоззренческому порядку.

А затем мы увидели самое страшное. Мы увидели, как эта идеология, выращенная в российской лаборатории, была упакована в уважаемую европейскую обертку с надписью FECRIS и отправлен на экспорт. Мы раскрыли «французский парадокс»: как колыбель прав человека стала местом базирования и важным источником финансирования международной антикультовой сети. Как на деньги французских налогоплательщиков, при участии государственного органа MIVILUDES, поддерживалась среда, в которой важную роль играла организация, вице-президентом которой на протяжении двенадцати лет был Александр Дворкин. Человек, которого USCIRF рекомендовала публично осудить за продолжающуюся кампанию дезинформации против религиозных меньшинств. Мы узнали о миллионе евро, выделенном на проекты в рамках антикультовой политики, и о том, как за ширмой благородных целей, по утверждению заявителей и исследовательских

публикаций, скрывались конфликт интересов, непрозрачность и спорное распределение бюджетных средств.

И, наконец, мы осознали глобальный масштаб этой угрозы. Мы поняли, что Россия была лишь полигоном. Что истинные амбиции этой сети простираются от Москвы до Пекина, где Дворкин, используя свой европейский статус, способствовал легитимации жестких репрессий против религиозных движений. Мы поняли, что их конечная цель — не просто уничтожение «сект». Их цель — демонтаж всего мирового порядка, основанного на Всеобщей декларации прав человека.

Что это, если не объявление войны? Войны тихой, гибридной, информационной, но от этого не менее разрушительной. Войны против свободы. Войны против самой сути человеческого достоинства. Войны против наследия Нюрнберга, который осудил не только палачей, но и тех, кто готовил почву для геноцида своими словами ненависти.

Троянский конь, о котором я говорил в названии этой книги, уже давно не у ворот. Он встроен в институты, бюджеты и публичные дискуссии, где язык стигматизации начинает звучать как язык заботы и защиты.

Эта книга была моей присягой на верность правде. Я обещал себе и вам, читатель, что она будет построена не на эмоциях, а на фактах. Я стремился опереться на документально подтвержденные факты, ссылаясь на отчеты правительственных комиссий, на академические исследования, на журналистские расследования и судебные документы. Эти факты, рассмотренные вместе, позволяют говорить не только как аналитику, но и как человеку — как гражданину этого мира, который я не хочу отдавать на растерзание тем, кто пытается подменить свободу контролем, а право — стигматизацией.

Поэтому я обращаюсь к вам с призывом к бдительности.

Мы слишком долго принимали наши свободы как должное. Свободу мыслить, свободу говорить, свободу верить или не верить. Нам казалось, что они, как воздух, будут всегда. Но это не так. Эти свободы не были дарованы нам свыше. Они были отвоеваны. Они были оплачены кровью и страданиями миллионов жертв тоталитаризма. Всеобщая декларация прав человека — это не

просто красивый документ. Это клятва, данная выжившими в Освенциме и ГУЛАГе будущим поколениям. Клятва «Никогда больше!». И сегодня эту клятву предают. Предают те, кто снова делит людей на «правильных» и «неправильных». Предают те, кто снова шепчет властям, на кого натравить тайную полицию. И предают те, кто, видя это, молчит из страха, равнодушия или конформизма.

Сильная демократия — это не данность. Это ежедневная работа. Это иммунная система общества, которая должна уметь распознавать и отторгать вирусы ненависти, в какие бы одежды они ни рядились. И главный компонент этой иммунной системы — мы с вами. Наше неравнодушие. Наша готовность защищать не только свои права, но и права тех, кто нам не нравится, кого мы не понимаем, чьи убеждения кажутся нам странными. Потому что как только мы позволим отобрать права у одной, самой непопулярной группы, мы откроем ящик Пандоры. Завтра придут за другой. А послезавтра — за нами.

Эта битва — не битва за «них», за далеких и непонятных «сектантов». Это битва за «нас». За наши принципы, за наше будущее, за душу нашей цивилизации.

Что мы можем сделать?

Мы можем требовать от наших правительств прекратить любое финансирование организаций, подобных FECRIS, если имеются убедительные и проверяемые основания считать, что такие организации связаны с пропагандой войны, систематической дезинформацией или содействием репрессивным практикам.

Мы можем поддерживать независимых журналистов и правозащитников, которые, как современные Кассандры, продолжают говорить правду, рискуя своей репутацией и безопасностью. Мы можем и должны говорить об этом со своими близкими, друзьями, коллегами, разрушая стену молчания и равнодушия. Мы должны учить наших детей критическому мышлению, чтобы они могли отличить правду от лжи, а диалог — от языка вражды.

Это нелегкий путь. На нем нас могут ожидать обвинения, насмешки, непонимание. Но альтернатива — это молчаливое соучастие в сползании мира к

новому тоталитаризму. Альтернатива — это мир, в котором снова будут запрещать книги, преследовать убеждения и расчеловечивать несогласных.

Завершая эту книгу, я хочу оставить вас не с чувством безысходности, а с чувством ответственности. Зло сильно, но оно не всеильно. Его главная сила — в нашей пассивности. Один голос, сказавший правду, может разрушить самое высокое здание лжи. Одна свеча, зажженная во тьме, может указать путь тысячам.

Путь, который мы прошли по страницам этой книги, был путешествием во тьму. Но он был необходим, чтобы научиться ценить свет. Свет разума, свет сострадания, свет свободы. Не дайте этому свету погаснуть. Ни в своей душе, ни в нашем общем мире. Бдительность — это цена, которую мы платим за свободу. И сегодня пришло время нести эту ответственность. Выбор между миром, обнесенным стенами ненависти, и миром, открытым всем горизонтам мысли, делается сегодня каждым из нас.

Источники

1. Human rights defender Belgium. (2016). [Part 1]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=fPCAo7IEIo4>
2. Комиссия США по международной свободе вероисповедания. (2020). Антикультовое движение и регулирование религии в России и на постсоветском пространстве [The anti-cult movement and religious regulation in Russia and the former Soviet Union]. <https://www.uscirf.gov/sites/default/files/2020%20Anti-Cult%20Update%20-%20Religious%20Regulation%20in%20Russia%20edited.pdf>
3. Matthies, F. (ред.). Die evangelische Kirche und der Holocaust [Евангелическая церковь и Холокост]. Der Theologe, (4). <http://www.theologe.de/theologe4.htm>
4. Opinions of scholars and human rights advocates about Alexander Dvorkin. (2025, May 9). Actfiles. [Мнения учёных и правозащитников об Александре Дворкине]. <https://actfiles.org/opinions-of-scholars-and-human-rights-advocates-about-alexander-dvorkin/>
5. Дворкин, А. Л. (1995). Десять вопросов навязчивому незнакомцу, или Пособие для тех, кто не хочет быть завербованным [Desyat' voprosov navyazchivomu neznakomtsu, ili posobie dlya tekhn, kto ne khochet byt' zaverbovannym]. <https://azbyka.ru/desyat-voprosov-navyazchivomu-neznakomtsu-ili-posobie-dlya-tekh-kto-ne-chochet-byt-zaverbovannym>
6. Лункин, Р. (2006, 21 декабря). Два кривых зеркала. В России сильно ругают либо «сектантов», либо за употребление слова «сектанты» [Two crooked mirrors. In Russia, they strongly scold either "sectarians" or for using the word "sectarians"]. Portal-Credo.Ru. <https://web.archive.org/web/20160304113215/http://www.portal-credo.ru/site/print.php?act=fresh&id=542>
7. Элбакян, Е. С. Профессор Е. С. Элбакян о свободе совести и деятельности А. Дворкина [Professor E. S. Elbakyan on freedom of conscience and the work of A. Dvorkin] [Видео]. YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=t1cr_5JGoSs

8. Дворкин, А. Л. Александр Дворкин, сектоведение и тоталитарные секты [Alexander Dvorkin, sectology and totalitarian sects] [Видео]. YouTube.
<https://www.youtube.com/watch?v=WQ9N4ewbg84>
9. Нежный, А. Уроки сектоведения [Uroki sektovedeniya]. Yro.narod.ru.
https://web.archive.org/web/20250406122506/https://yro.narod.ru/bibliotheca/Religioved/Yroki_sektoveden/Yrok_sektovedeniya.htm
10. Википедия. Дворкин, Александр Леонидович [Dvorkin, Aleksandr Leonidovich]. Википедия.
https://ru.wikipedia.org/wiki/Дворкин,_Александр_Леонидович
11. Фёдоров, В. Предисловие [Preface]. В Э. Баркер, Новые религиозные движения: практическое введение [New religious movements: A practical introduction]. <https://azbyka.ru/otechnik/sekty/novye-religioznye-dvizheniya-prakticheskoe-vvedenie>
12. Товбин, К. М. (2016, 8 декабря). От религиозной безопасности к Министерству правды [From religious security to the ministry of truth]. Tovbin.ucoz.ru. Архивировано 23 октября 2018 г. в Wayback Machine.
https://web.archive.org/web/20181023080650/http://tovbin.ucoz.ru/publ/ot_religioznoj_bezopasnosti_k_ministerstvu_pravdy/1-1-0-34
13. Дерикебур, Р. (2012). FECRIS и её филиал в России: православное клерикальное крыло FECRIS [FECRIS and its affiliate in Russia: The Orthodox clerical wing of FECRIS]. В Г. Безьере (ред.), Свобода совести и вероисповедания: антикультовые движения и нейтральность государства. Кейс FECRIS [Freedom of religion or belief: Anti-sect movements and state neutrality. A case study: FECRIS]. Academia.edu.
https://www.academia.edu/21732719/Freedom_of_Religion_or_Belief_Anti_Sect_Movements_and_State_Neutrality_A_Case_Study_FECRIS
14. Берцано, Л., Фаликов, Б., Фотре, В., Филипович, Л., Интровинье, М., и Ригаль-Cellard, Б. (2022, 25 апреля). Симпатия к дьяволу: антикультовая федерация FECRIS, Китай и Россия. 4. FECRIS и антикультовое сотрудничество с Китаем [Sympathy for the devil: The anti-cult federation FECRIS, China, and Russia. 4. FECRIS and anti-cult cooperation with China]. Bitter Winter.
<https://bitterwinter.org/4-fecris-and-anti-cult-cooperation-with-china/>

15. Ежедневный журнал. (2013, 1 апреля). Минюст офанател [The Ministry of Justice went mad]. Архивировано 1 апреля 2013 г. в Wayback Machine.
<https://web.archive.org/web/20130401015223/http://www.ej.ru/?a=news&id=8959>
16. NEWSru.com. (2009, 11 апреля). Общественная палата РФ возьмёт деятельность Совета по религиозной экспертизе при Минюсте РФ под свой контроль [The Public Chamber of the Russian Federation will take the activities of the Council for Religious Studies Expertise under the Ministry of Justice under its control]. Архивировано 14 марта 2014 г. в archive.today.
<https://archive.ph/20140314231526/http://www.newsru.ru/religy/11apr2009/expsovet.html>
17. Asfera.info. (2014, 8 сентября). Сектовед Александр Дворкин — «Дело не только в диагнозах» [Sect expert Aleksandr Dvorkin – “It’s not just about the diagnoses”]. <https://www.asfera.info/news/93129>
18. Portal-Credo.ru. (2009, 9 апреля). КОММЕНТАРИЙ ДНЯ: «Есть такая специальность — “сектоведение!” — решил и постановил Минюст» [COMMENT OF THE DAY: “There is such a specialty — ‘sect studies!’ — decided and decreed the Ministry of Justice”]. Архивировано 22 августа 2009 г. в Wayback Machine.
<https://web.archive.org/web/20090822080738/http://portal-credo.ru/site/?act=news&id=69836&cf=>
19. Scij.ru. (2011, 9 июня). Репортаж. Эксперты о религии и экстремизме. В Институте Европы РАН состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Религиозный фактор в социально-политической жизни современной России» [Report. Experts on religion and extremism. The All-Russian scientific and practical conference “The religious factor in the socio-political life of modern Russia” took place at the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences]. Архивировано 30 апреля 2024 г. в Wayback Machine.
https://web.archive.org/web/20240430115225/http://www.scij.ru/news/detail.php?SECTION_ID=255&ELEMENT_ID=3356
20. Шмидт, В. В. (2016, 10 июня). «Дворкин после себя оставил выжженную землю» [“Dvorkin left scorched earth behind him”] [Видео]. YouTube.
<https://www.youtube.com/watch?v=ryLXXY6mJJA>

21. Муравьев, А., и Ситников, М. (2006, 24 июля). Кто есть кто. Александр Дворкин: ходячая фальсификация [Who is who. Alexander Dvorkin: walking falsification]. Babr24.com. <https://babr24.com/?IDE=31534>
22. Actfiles.org. (2025, 9 мая). Александр Дворкин: единая антикультовая сеть [Alexander Dvorkin: A single anticult network]. <https://actfiles.org/alexander-dvorkin-a-single-anticult-network/>
23. Иваненко, С. И. Кто был заинтересован в преследовании Свидетелей Иеговы в царской России, в Советском Союзе, в Российской Федерации [Who was interested in the persecution of Jehovah's Witnesses in Tsarist Russia, the Soviet Union, in the Russian Federation]. В О людях стойких в гонении [About people steadfast in persecution] (гл. 2). <https://ivanenko.online/book/.../chast-i-svideteli-iegovy-v-gody-gonki/kto-by-l-zainteresovan-v-presledovanii/>
24. Центр «СОВА». (2007, 14 мая). Суд признал Александра Дворкина виновным в оскорблении Московской Хельсинкской группы [Court recognizes Alexander Dvorkin guilty of insulting the Moscow Helsinki Group]. <https://www.sova-center.ru/religion/news/community-media/communities-conflicts/2007/05/d10846/>
25. Bitter Winter. (2020, 19 июля). USCIRF разоблачает европейских «экспертов», поддерживающих кампании КПК против «сект» [USCIRF exposes European “experts” who support CCP campaigns against “cults”]. <https://bitterwinter.org/uscirf-exposes-who-support-ccp-campaigns/>
26. Штерин, М. (1998). Новые религии, культы и секты в России: критический обзор и краткое изложение проблем [New religions, cults and sects in Russia: A critique and brief account of the problems]. CESNUR. Архивировано 23 сентября 2015 г. в Wayback Machine. <https://web.archive.org/web/20150923224231/http://www.cesnur.org/testi/Shterin.htm>
27. Кротов, Ю. (2016, 3 декабря). Свобода веры и свобода беззакония [Freedom of faith and freedom of lawlessness]. Радио Свобода. <https://www.svoboda.org/a/28148699.html>

28. Actfiles.org. (2025, 9 мая). Александр Дворкин: единая антикультовая сеть [Alexander Dvorkin: A single anticult network]. <https://actfiles.org/alexander-dvorkin-a-single-anticult-network/>
29. Лункин, Р. (2006, 12 мая). ИНТЕРВЬЮ: «Дворкин скорее прикрывается Церковью. В результате его выступлений у несведущих людей появляется ощущение, что в обществе все делятся на “наших” и “ненаших”. Интервью с послушником Общества сознания Кришны Сергеем Косенко» [INTERVIEW: “Dvorkin rather hides behind the Church. As a result of his speeches, uninformed people get the feeling that in society everyone is divided into ‘ours’ and ‘not ours’. Interview with novice of the International Society for Krishna Consciousness Sergei Kosenko”]. Portal-Credo.Ru. Архивировано 25 апреля 2015 г. в Wayback Machine. <https://web.archive.org/web/20150425215943/http://portal-credo.ru/site/print.php?act=news&id=43050>
30. Bitter Winter. (2023, 25 мая). 82 украинских учёных призвали Францию прекратить поддержку антикультовой федерации FECRIS [82 Ukrainian academics ask France to stop supporting the anti-cult federation FECRIS]. Bitter Winter. <https://bitterwinter.org/ukrainian-academics-ask-france-to-stop-supporting-fecris/>
31. Эйзенберг, С. (2025). FECRIS: видимость разрыва с Москвой? [FECRIS: A facade separation from Moscow?]. ReligActu.fr. <https://religactu.fr/fecris-une-separation-de-facade-avec-moscou/>
32. ReligActu.fr. Один миллион евро под следствием: как MIVILUDES оказалась в центре скандала с субсидиями [One million euros under investigation: How MIVILUDES found itself at the center of a subsidy scandal]. ReligActu.fr. <https://religactu.fr/un-million-deuros-sous-enquete-comment-la-miviludes-se-retrouve-au-coeur-dun-scandale-de-subventions/>
33. JW.org. (2019, 21 февраля). Свидетелей Иеговы пытали в Сургуте (Россия) [Jehovah’s Witnesses tortured in Surgut, Russia]. JW.org. <https://www.jw.org/en/news/region/russia/Jehovahs-Witnesses-Tortured-in-Surgut-Russia/>
34. Свидетели Иеговы в России. (2024, 23 декабря). «Сажают меньше, но жестче». Репрессии против Свидетелей Иеговы: итоги 2024 года [“Fewer are

imprisoned, but more harshly.” Repressions against Jehovah’s Witnesses: Results of 2024]. JW-Russia.org. <https://jw-russia.org/news/2024/12/230900.html>

35. NPR. (2019, 6 февраля). Российский суд приговорил Свидетеля Иеговы к шести годам лишения свободы за «экстремизм» [Russian court sentences Jehovah’s Witness to six years in prison for extremism]. NPR. <https://www.npr.org/2019/02/06/691935657/russian-court-sentences-jehovahs-witness-to-6-years-in-prison-for-extremism>

36. Радио Свобода. (2021, 15 марта). Свидетель Иеговы осуждён в России по обвинению в экстремизме [Jehovah’s Witness convicted on extremism charges in Russia]. RFE/RL (Radio Free Europe/Radio Liberty). <https://www.rferl.org/a/jehovah-witness-convicted-extremism-charges-in-russia/31153515.html>

37. JW-Russia.org. Дело Баженова и других в Саратове [Case of Bazhenov and others in Saratov]. JW-Russia.org. <https://jw-russia.org/en/cases/saratov.html>

38. Actfiles.org. (2025, 4 мая). Звериное лицо антикультизма: что стоит за геноцидом Свидетелей Иеговы в России? [The beastly face of anticultism: What is behind the genocide of Jehovah’s Witnesses in Russia?]. Actfiles.org. <https://actfiles.org/the-beastly-face-of-anticultism/>

39. Штерин, М. (1998). Новые религии, культы и секты в России: критический обзор и краткое изложение проблем [New religions, cults and sects in Russia: A critique and brief account of the problems]. CESNUR. Архивировано 23 сентября 2015 г. в Wayback Machine. <https://web.archive.org/web/20150923224231/http://www.cesnur.org/testi/Shterin.htm>

40. Центр «СОВА». (2007, 14 мая). Суд признал Александра Дворкина виновным в оскорблении Московской Хельсинкской группы [Court recognized Alexander Dvorkin guilty of insulting the Moscow Helsinki Group]. SOVA Center. <https://www.sova-center.ru/religion/news/community-media/communities-conflicts/2007/05/d10846/>

41. Центр «СОВА». (2008, 14 января). Отменены решения судов по делу Московской Хельсинкской группы против Александра Дворкина [Court rulings in the Moscow Helsinki Group v. Alexander Dvorkin case annulled]. SOVA Center.

<https://www.sova-center.ru/religion/news/community-media/communities-conflicts/2008/01/d12520/>